

ЛАРА ПРОДАН
ТОНКАЯ НИТЬ
СУДЬБЫ

Лара Продан
Тонкая нить судьбы

«Accent Graphics communications»

2013

Продан Л.

Тонкая нить судьбы / Л. Продан — «Accent Graphics communications», 2013

Нити судеб, с вплетениями сетей НКВД, странные и обычные для многострадальной страны переплетения сложных жизненных путей братьев – Алексея, Леонида и Александра, уехавших из России и оставшихся, их детей, жен и людей, волею рока оказавшихся втянутыми в игры вездесущей судьбы – соединяются в замысловатом и захватывающем повествовании с неожиданными поворотами сюжета. Но красной строкой проходит и всё соединяет – любовь, многогранная и всеобъемлющая...

© Продан Л., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 6	40
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лара Продан

Тонкая нить судьбы

Глава 1

Утро субботы седьмого сентября 2005 года не предвещало ничего хорошего. Низкие тяжелые тучи вот-вот готовы были разродиться обильным дождем. Поддернутые желтизной листья деревьев кружились в воздухе, ветер набирал силу. Последние дни были довольно прохладными, а сегодня вообще было холодно и как-то промозгло, хоть надевай куртки и теплые пальто, которые еще никто не собирался вытаскивать из глубин шкафов. Во дворе показалась фигура Алекса, одетая в спортивный костюм и готовая начать ежедневные физические упражнения. Без утренней зарядки и легкой пробежки Алекс не начинал свой день последние двадцать лет. Они давали ему не только заряд бодрости, но, как искренне верил Алекс, позволяли убежать от надвигающейся старости. А ее он очень боялся и не столько потому, что был просто человеком, боялся не успеть сделать то, что обещал очень давно, двадцать лет назад.

Алексу на днях исполнилось пятьдесят пять лет. Возраст для мужчин знаковый. Многие начинают подводить итоги своей творческой и личной жизни, переосмысливать свои поступки, планировать жизнедеятельность на следующие 40–50 лет. Но большинство таких, которые уверены в том, что жили и живут совершенно правильно. Это, обычно, средние работники, средние мужья, средние любовники, но считающие себя центральной фигурой во всех ипостасях. А потому им все должно. На работе – максимальную зарплату, дома – беспрекословное выполнение женой и детьми их желаний, ну а любовницы должны целовать им ноги только за то, что они у них есть. Эта категория мужчин, как правило, никогда не задумывается о будущем и довольствуется сегодняшним днем.

Алекс относился к первой категории мужчин. Всю свою жизнь он стремился быть честным прежде всего с самим собой. Это качество передалось ему как бы по наследству. Алекс был правнуком одного из князей Ухтомских. Из рассказов отца Алекс знал, что прадед был вынужден вывезти свою семью из России в 1918 году, опасаясь преследований и ареста со стороны новой власти, власти большевиков. Два брата прадеда отказались уезжать. Что стало с ними там, в далекой России, он не знал. Прадед, а потом и дед пытались в начале сороковых годов через посольство Советского Союза узнать о судьбе своих родных, но так и не получили ответ. Честность, принципиальность и в то же время удивительное великодушие были отличительными чертами характера Алекса. Это был высокий, довольно стройный для своего возраста мужчина. С правильными чертами лица. Голубые глаза всегда смотрели прямо и открыто на собеседника. Высокий лоб с небольшими залысинами свидетельствовал об остром и глубоком уме. Темно-русые волосы уже носили печать возраста, на висках они были обелены сединой, несколько седых прядей было видно и в густой шевелюре на макушке головы. Удивительным образом смотрелись немного пухлые алые, как у молодой девушки, губы, губы, которые так нравились его жене Мелинде.

Алекс родился и вырос здесь, на северо-западе Соединенных Штатов. Он всегда считал самым лучшим местом на земле свой уютный и красивый город Эверетт. Здесь он родился, здесь вырос, сюда вернулся после окончания Гарварда, став юристом, здесь женился на своей Мелинде. В отличие от Алекса Мелинда была женщиной невысокого роста, немного полной для своих пятидесяти лет. Глаза у нее были серые с легким зелено-голубым оттенком, так называемые глаза-хамелеоны. Они постоянно меняли свой цвет в зависимости от того, в какого цвета одежду была одета женщина. Светлые волосы были коротко пострижены, что придавало внешности Мелинды мальчишеский задор. Вообще, несмотря на некоторую полно-

ватость, Мелинда производила впечатление стремительной, подвижной и молодой женщины. С ее лица практически никогда не сходила улыбка. За эту улыбку, которая как бы озаряла все вокруг, и полюбил ее в свое время Алекс.

Как только Алекс переступил порог дома после пробежки, он услышал тревожный крик жены. Она выкрикивала имя дочери так, как будто ее потеряла:

– Дарья! Дарья! Боже мой! Дарья!!!»

Алекс прыжками добрался до комнаты дочери, что располагалась на втором этаже. Посреди комнаты со скрещенными на груди руками, с полными от слез глазами, устремленными на кровать, стояла Мелинда. Кровать дочери была пуста, более того, она была как всегда аккуратно заправлена, никакого отпечатка ночного присутствия Дарьи в комнате не было.

На улице тучи наконец-то разродились дождем, сильным, крупным, резким дождем. Как-то неприятно зануло где-то там, глубоко в груди. Алекс чувствовал, что сейчас упадет, так отвратительно вдруг сразу заскрежетало в районе сердца. Нет, с дочерью не должно ничего случиться, в этом он был уверен. Дарья в свои двадцать лет была девочкой самостоятельной, серьезной и рассудительной. Она, как правило, никогда не принимала решения скоропалительно, тщательно не обдумав. В этом Дарья очень походила на отца. Алекс вдруг вспомнил, как лет пять тому назад, когда Дарье было пятнадцать, она влюбилась в своего одноклассника. Чтобы обратить его внимание на себя Дарья ушла из дома и сутки пропадала, поехала к тете, сестре Мелинды, в Бэлевью, как потом оказалось. Мальчик на нее никакого внимания так и не обратил, даже и не заметил ее отсутствия. А вот школьные учителя и полиция были подняты на ноги родителями. После того случая Дарья дала слово никогда не покидать дом, не предупредив домашних об уходе. А тут снова...

«Надо позвонить Роджеру. Может он что-то знает.» – подумал Алекс и пошел к телефонному аппарату.

Роджер был самым близким другом Алекса. Они дружили всю жизнь, с пеленок. Их матери были подругами и, практически, одновременно родили сыновей. У Роджера был сын почти одного возраста с Дарьей, они были друзьями и, наверняка, Майклу известно, где его дочь. Но до аппарата Алекс не дошел. Входная дверь распахнулась, и в гостиную мокрые до нитки, веселые и задорные ворвались трое молодых людей.

– Папа, папа, папочка, прости, ну прости меня, что я не предупредила тебя. Где мама? Мама, моя любимая мамочка, не сердись на свою глупенькую дочку! – прокричала, нет, скорее, громко пропела Дарья.

Она вся светилась, светилась молодостью, беззаботностью и счастьем. Ни обижаться, ни ругаться на нее нельзя было. Это была высокая стройная девушка, с большими голубыми глазами на бледно-матовом лице, чуть вздернутым носиком, красиво очерченными алыми губами. Светло-русые волосы были забраны в тугой «конский» хвост, высокий лоб обрамляла длинная челка. Чувствовалось, что между Дарьей и ее родителями были доверительные и теплые отношения, какие, впрочем, должны быть всегда между любящими и уважающими друг друга людьми.

– Ну что ж, Дарьюшка, слава Богу с тобой все нормально. – тихо произнес Алекс. Сердце продолжало ныть. В дверях все еще стояли молодые люди. Это были юноши того же возраста, что и Дарья. Один из них – сын Роджера, Майкл. Другой – незнакомый молодой человек, но судя по тому, как он разговаривал с Майклом, пока Дарья общалась с родителями, было видно, что они хорошо знакомы друг с другом.

– Папа, мама, познакомьтесь. Это – Владимир Злотов, друг Майкла. Они вместе стажируются в Майкрософте. – представила юношу Дарья.

Сердце продолжало ныть. Посмотрев на незнакомого юношу, Алекс невольно вздрогнул. Опустил глаза и посмотрел более пристально. Сердце зануло сильнее.

«Не может быть! Нет, этого не может быть!». Алекс медленно повернул голову в сторону Мелинды.

Мелинда стояла поодаль от ребят, ее глаза были устремлены на Владимира, на лице застыла гримаса ужаса, смешанная с горечью потери. Она быстро опомнилась, медленно перевела взгляд на дочь и пригласила всех войти и позавтракать вместе. Молодые люди ничего не заметили. Они прошли в столовую, где был накрыт стол к завтраку.

Алекс подошел к Мелинде, взял ее за руки и с любовью посмотрев в глаза, спросил:

– Тебе тоже показалось, что молодой человек похож на... – , но не закончил вопроса.

К ним подходила дочь, держа за руку Владимира.

– Мама, папа, что же вы не идете? Мы вас ждем в столовой. Так хочется кушать! – весело произнесла Дарья.

– Да, Алекс и Мелинда, я очень рад тому, что нахожусь в вашем доме. Дарья и Майкл так много рассказывали о вас. Извините, что я так, без приглашения. ... – голос Владимира звучал медленно, обволакивающе. Видно было, что юноша волнуется, старается понравиться...

Не понравиться он не мог. Статная высокая фигура, про которую говорят «косая сажень в плечах», густые пепельные волосы с аккуратным пробором сбоку, высокий, чуть выступающий вперед лоб, голубые, широко открытые глаза, словно вычерченные острым карандашом правильной формы губы не могли не привлечь внимания и не могли не вызвать чувства эстетического восхищения. Алекс и Мелинда переводили глаза с Дарьи на Владимира, с Владимира на Дарью. В их глазах отражалась тревога и любовь одновременно. Первой опомнилась Мелинда:

– Действительно, так хочется кушать. Пойдемте за стол – И они скрылись за дверями столовой.

Завтрак прошел непринужденно. Алекс с Мелиндой старались больше слушать. Да и говорить они не могли, оба были взволнованы встречей с новым знакомым своей дочери. Зато Дарья не умолкала. Ее голос звенел, как колокольчик. Она сидела между двумя юношами, видно было, что девушка слегка волновалась. Закончив завтрак, все встали из-за стола. Дождь завершил свою работу, листва на деревьях заиграла свежими красно-желто-зелеными красками, трава вернула себе молодость, став ярко зеленой, дороги и тротуары чистыми, как будто над ними поработала целая бригада уборщиков. Все дышало свежестью. Дарья проводила своих друзей и вернулась в гостиную, где ее ждали родители для объяснения.

– Мама, папа, как же хорошо дома! Как я люблю наши совместные завтраки, ужины! Не обижайтесь на меня. Я звонила вчера вечером, честно, звонила, хотела предупредить, что останусь ночевать у Майкла. И дядя Роджер тебе звонил, папа. Но никто не поднял трубку телефона. – тараторила Дарья, с любовью глядя на родителей и понимая, как они волновались.

Алекс вспомнил, что вчера, сразу после завтрака, у Мелинды возобновились головные боли. Мигрень мучила его жену практически всю жизнь. Понять причину мигрени не смогли ни в одном медицинском учреждении, куда они обращались. Вылечить тоже не смогли. Мелинда постепенно привыкла к своей ноющей головной боли и даже научилась не замечать ее. Но вчера, вчера она не вытерпела и попросила Алекса отключить все электрические приборы, которые урчали, шипели, звенели. Телефоны тоже были отключены все, и домашние и сотовые. Они легли рано, не дождавшись возвращения дочери после университета.

– Хорошо, Дарьюшка, но расскажи, что было причиной того, что ты вынуждена была остаться у Майкла? И почему у Майкла? Насколько я понимаю, оставаться ночевать у молодого человека, даже если он является твоим лучшим товарищем, считается неприличным. Или я старомоден, Дарья? – Голос Алекса постепенно утрачивал мягкие ноты и приобретал стальные.

Всегда, когда Алекс волновался, или когда чувствовал опасность, внутри него все холодело, как бы подбиралось и собиралось в натянутый стальной канат. Внешне это проявлялось в прямой, слишком прямой осанке и в изменении тембра голоса с мягкого на жесткий и холод-

ный. Дарья знала эту особенность отца и тут же поняла, что его что-то очень сильно тревожит. «Мама тоже какая-то, как будто потерянная» – отметила про себя Дарья.

– Мама, папа, ничего же не произошло. Со мной все в порядке. Папа, ты же знаешь, что Майкл для меня как брат, мы выросли вместе. Дядя Роджер с тетей Розы были дома. Мы, действительно, звонили целый вечер, хотели предупредить, но ни один телефон не отвечал. – взволнованно говорила Дарья.

Ей было жалко родителей. Она вдруг ясно поняла их боль и тревогу за нее. За исключением того случая пятилетней давности, когда она по глупости уехала из дома и ночевала у тети в Бэлевью, она всегда проводила ночь в своей кровати. Вечерние часы, проведенные с родителями, были для нее особенно дороги. Все трое любили после ужина собираться в уютной гостиной и рассказывать о событиях проходящего дня. Между ними никогда не было секретов.

Тут Дарья услышала голос отца, и он ее поразил. Вопрос был простым, пустяковым:

– Дарья, скажи, а кто этот юноша, твой новый знакомый, Владимир, кажется его имя?

Но задан он был голосом, в котором переплеталась сталь с тонкой шелковой нитью, готовой в любой момент оборваться. Она почувствовала в голосе отца тревогу и страх. И это ее поразило.

«Ему, наверное, не понравился Владимир. Папа слишком холодно разговаривал с ним во время завтрака. Да и мама все время молчала, хотя была большой любительницей поговорить с моими друзьями» – подумала Дарья.

Алекс и Мелинда смотрели на дочь и ждали от нее ответа, ждали напряженно и с волнением.

– Владимир – новый друг Майкла, – начала рассказывать Дарья – Он из России, по моему, из Санкт-Петербурга. Приехал сюда стажироваться в Майкрософте. Кстати, папа, его пригласило руководство компании. Владимир послал им свою разработку по усовершенствованию какой-то программы, я не разбираюсь в этом. Она была признана лучшей из всех предлагаемых. Он вам не понравился, да, не понравился? – в голосе Дарьи звучала обида.

– Я никогда не встречала парня лучше, чем он – тихо произнесла Дарья.

Алекс и Мелинда обменялись взглядами. Они очень любили дочь, дорожили и доверяли ее мнению. Они понимали, что сейчас как никогда следует быть осторожными с Дарьей. В ее возрасте любое сопротивление встречается в штыки и из друга можно легко превратиться в недруга. Ну и потом, это всего лишь их догадки, может они ошибаются насчет Владимира.

– Все хорошо, Дарьюшка. Владимир нам понравился, интересный молодой человек. Они с Майклом чем-то даже похожи, – ответила мягким, но глубоким голосом Мелинда.

И было в этом голосе столько любви и заботы, что Дарья тут же успокоилась и стала рассказывать, как провела вчерашний день. После занятий в университете Дарья встретила с Майклом и Владимиром. Они договорились показать Владимиру вечерний Сизтл. А потом все вместе поехали к Майклу домой смотреть фильм, который привез с собой Владимир, фильм о его родине, России. Просмотр затянулся и родители Майкла предложили Дарье и Владимиру переночевать у них. А сегодня Дарья договорилась встретиться с Владимиром в пять часов вечера.

– А как же Майкл? – спросила Мелинда.

– Вы встречаетесь втроем? Майкл – твой лучший друг, он познакомил тебя с Владимиром. Более того он, ты знаешь, равнодушен к тебе. Роджер говорит, что Майкл – она улыбнулась и в глазах появился некоторый озорной светлячок – по ночам пишет стихи для тебя, а по утрам их сжигает. Как это романтично! Ты должна уважать его чувства. Преданней друга ты вряд – ли найдешь. И еще, мне кажется, что не совсем прилично девушке идти на свидание с молодым человеком вечером после одного дня знакомства. Нам с отцом – тут Мелинда выразительно посмотрела на Алекса – было бы спокойней, если бы сегодня вечером ты все же при-

гласила на встречу и Майкла. Она немного помолчала, а потом спросила: «Ну, что, доченька, пригласишь?»

Дарья стояла в нерешительности. Слова матери были убедительными. Действительно, Майкл – самый хороший, самый внимательный, самый преданный друг. Они знают друг друга с пеленок, и девушка никогда не рассматривала его в качестве своего молодого человека. Более того, она считала его сродни брату и доверяла ему самые сокровенные мысли.

«Думаю, мама ошибается насчет Майкла. Мы – друзья, очень близкие друзья, у нас братско-сестринские отношения. И все. Пригласить его на свидание с Владимиром? МММ...»

– Ладно, мама, может ты и права» – сказала вслух Дарья.

– Позвоню Майклу, скажу где мы его будем ждать. Заодно попрошу его посмотреть со стороны, как относится ко мне Владимир. Владимир мне очень понравился, но он какой-то, какой-то стеснительный, что ли. Мне показалось, что ему неловко было сегодня у нас, он был несколько напряжен, по-моему. И ты, папа, не совсем приветливо с ним разговаривал, совсем не смотрел на него, как будто чего-то боялся.

Алекс тревожно посмотрел на Мелинду и, немного помолчав, ответил дочери, что ей просто показалось, что они с матерью были расстроены ее отсутствием ночью.

– А что, если Майкл заедет за тобой, и вы вместе поедете в Сиэтл, где вас будет ждать Владимир? – громко спросила Мелинда у дочери, положив тем самым конец неприятному разговору.

– Я думаю, Майкл с удовольствием примет твое предложение. И мы будем спокойны – тихо добавила Мелинда.

– Хорошо, мама. – Согласилась Дарья, чтобы не расстраивать родителей.

«Может быть, действительно, лучше поехать вместе с Майклом. По дороге можно поговорить о Владимире. Интересно, говорил Майклу Владимир что-нибудь обо мне?» – подумала Дарья.

Когда дочь ушла к себе Алекс и Мелинда глубоко вздохнули, посмотрели друг другу в глаза, улыбнулись и решили пока ничего не предпринимать. Пусть идет все своим чередом. Время все должно расставить на свои места.

Глава 2

Прошел месяц. На дворе стоял уже октябрь. Листья практически все лежали, свернувшись в коричнево-желтый кулечек на земле, небо все чаще заволакивалось низкими хмурыми тучами, да и дожди напоминали о себе почти каждый день. Алекс, как всегда, совершал свои пробежки по утрам, потом завтракал вместе с Мелиндой и Дарьей и уезжал на работу. Алекс был совладельцем крупной юридической фирмы, которая располагалась в Эверетте. Он любил свою работу. Более того, он считался самым опытным и квалифицированным юристом города. К нему даже приезжали на консультации из других городов штата. Мелинда очень гордилась своим мужем и считала его чуть ли не юридическим богом, вводя тем самым в конфузливое состояние Алекса. Сама Мелинда не работала вот уже десять лет. Причиной тому были постоянные головные боли, которыми она мучилась. Десять лет назад, когда скорая увезла Мелинду с работы в больницу, на семейном совете решили, что Мелинда уйдет с работы. И удивительно, за эти десять лет головные боли если не ушли, то стали гораздо реже. Мелинда вставала рано утром, и первым делом бежала на бэкярд, двор позади дома... Там она проводила свой выработанный ею обряд, о котором говорила, что он придает ей силы на весь день. В чем состоял этот обряд Алекс и Дарья боялись спрашивать Мелинду и никогда не подглядывали за ней.

«Если он, этот обряд ей помогает, пусть занимается, не будем мешать» – решили оба.

Набравшись сил и энергии Мелинда приступала к подготовке завтрака. Как правило, он состоял из фруктового салата для нее, яичницы-скрамбл из двух яиц и бекона для Алекса. А Дарья предпочитала кофе с сэндвичами.

Вслед за Алексом уезжала на занятия в университет и Дарья. Дарья была студенткой бизнес-школы университета Вашингтона. Она пошла по стопам своей матери и мечтала стать лучшим финансовым аналитиком если не в мире, то хотя бы в своем родном штате Вашингтон. Учиться ей нравилось. Дарья обладала не только красивой внешностью, но и пытливым умом, и активной жизненной позицией. Ее можно было встретить и на конференциях, и в студенческих клубах, где обсуждались актуальные вопросы экономики и финансов. Не удивительно, что Дарья привлекала внимание молодых людей. Многие юноши в университете пытались за ней ухаживать, но она была неприступна и всегда отшучивалась «Я жду принца на белом коне». Она дружила только с Майклом. Дарья его так и называла, представляя Майкла своим сокурсникам:

– Это мой друг-брат Майкл, прошу любить и жаловать!

Она была уверена, что и Майкл относится к ней как к сестре. Он не раз, обнимая ее при встрече, говорил:

– Ну здравствуй, моя сестренка. Что будем делать сегодня, куда пойдем?

Майкл рассказывал ей о своих девушках, с которыми он периодически встречался. Она знала, что ему нравятся натуральные блондинки с синими глазами, ногами от ушей и, чтобы они были по его выражению «страшно сексапильными». Правда объяснить, что он под этим понимает Майкл не мог. Говорил, что это надо чувствовать где-то там внутри, пониже сердца и всегда смеялся при этом. На вопрос о том, считает ли Майкл сексапильной ее, Дарью, он всегда отшучивался:

– Что ты, сестренка моя, ты – нет, ты – скорее леди строгих правил, правда синим чулком тебя не назовешь, но до секси ты точно не дотягиваешь. Извини, но ты результат воспитания своих родителей, которых я, кстати, очень люблю и уважаю.

Майкл проходил стажировку в Майкрософте после окончания университета Вашингтона, где он учился на отделении Computer Science. Его отец Роджер чрезвычайно гордился сыном. Во-первых тот пошел по его стопам, и Роджер уже мечтал о династии компьютерных

программистов Велингтонов, так звучала их фамилия. Во-вторых, Майкл подавал большие надежды как специалист и был на очень хорошем счету.

– Им очень довольны, Роджер. – сказал ему как-то Роб.

– Руководство компании готово включить Майкла в штат. А не верить своему другу, который работал в Майкрософте, у Роджера не было оснований.

Майкл слыл компьютерным гением. Поэтому, когда он встретил Владимира, которого ему представили как компьютерного гения из России, Майкл вначале оторопел, потом внутри у него похолодело, к горлу подкатил неприятный плотный комок, а затем вдруг стал нарастать интерес к большому, как показалось Майклу, молодому человеку. Владимир, действительно, был выше Майкла на пол – головы, шире в плечах. И в первую минуту Майкл подумал:

«Вот тебе и русский медведь – сильный, крупный, но, однако, умный. Посмотрим, что будет дальше».

Владимиру Майкл понравился сразу. Действительно, Майкл обладал весьма интересной внешностью. Это был юноша с карими, почти черными глазами, которые достались ему в наследство от прабабушки-индианки. Черные вьющиеся волосы его были коротко пострижены. И все это выгодно контрастировало с почти мраморной кожей, которая характерна для англичан. Майкл имел довольно крупный прямой нос, выраженный подбородок и средних размеров рот, обрамленный бледно-красными губами. Этакая смесь индейско-английской внешности, которая, тем не менее, на Владимира произвела неизгладимое впечатление. Более того, Майкл обладал удивительной способностью привлекать к себе внимание. Владимир даже не понял, почему его так заинтересовал Майкл. Собственно, ему было не до анализов своих чувств.

Он только неделя как прилетел в Сизтл и нуждался в друзьях. Владимир и Майкл сразу потянулись друг к другу. Обоим было по двадцать пять лет. Оба были влюблены в компьютеры и мечтали создать самую совершенную программу. И, как выяснилось чуть позже, оба были страстными игроками в футбол, правда, Майкл в американский футбол, а Владимир в соссет, как называется в Америке английский футбол. Их вкусы совпадали и в отношении девушек. Владимир также предпочитал сексапильных блондинок с ногами от ушей. Руководство компании предложило Майклу и Владимиру создать творческий тандем для решения весьма важной задачи, от выполнения которой зависел целый ряд компьютерных разработок. Срок им был выделен равный одной рабочей неделе. Майкл и Владимир решили разбить выполнение задачи на отдельные блоки по степени их очередности и взаимозависимости. Целыми днями до позднего вечера оба пропадали на работе. Чтобы не терять время на дорогу, Майкл часто оставался ночевать у Владимира, который снимал квартиру в Редмонде. Редмонд был гораздо ближе к Сизтлу, чем Эверетт, где жил Майкл вместе с родителями. Совместная работа и общие интересы сблизили ребят и через неделю они были, как говорится, «не разлей вода»

В последний рабочий день, выделенный ребятам для решения задачи, был, пожалуй, самым трудным. Предстояло соединить решения по отдельным блокам в одну стройную систему. Задача полностью с необходимыми заключениями была готова далеко за полночь. Усталые, но удовлетворенные Майкл и Владимир добрели до съемной квартиры в Редмонде и рухнули в глубокий сон.

Их разбудил резкий звонок сотового телефона Майкла. Звонила Дарья. Майкл взглянул на часы. Было половина первого дня.

– О, Боже, я совсем забыл, что обещал Дарье забрать ее после занятий – воскликнул Майкл.

– Кто такая Дарья?» – спросил спросонок Владимир – Она русская?.

– Почему русская? Она – дочь друзей моих родителей, моя подруга детства и самая лучшая девушка на свете. – ответил Майкл мягким и теплым голосом.

– Интересно, а откуда у нее русское имя? У нас есть женское имя Даша или Дарья. – вставая с постели сказал Владимир и вопросительно посмотрел на Майкла.

– Я как-то никогда не задумывался, почему Дарью называют Дарьей. Она для меня просто Дарья и Дашей ее никогда никто не называл. И для меня лучшего женского имени нет на свете – тихо добавил Майкл.

– Кстати, Владимир, ты же не видел еще Сиэтл толком, хоть и живешь почти две недели здесь. Хочешь с нами пойти куда-нибудь? Сейчас я позвоню Дарье, надо извиниться за опоздание, и договорюсь, чтобы она нас подождала в сквере около своего университета. А там решим, что будем делать. Согласен?

Владимир долго не раздумывал, на сегодня у него не было никаких дел. Он собирался немного поваляться в постели, а потом пошататься по городу, в котором жил. Предложение Майкла пришлось ему по душе, и он с радостью согласился. Кроме того, ему почему-то очень захотелось познакомиться с девушкой, носящей русское имя Дарья.

Дарья ждала ребят на скамейке, стоящей рядом с красивым раскидистым дубом. Она любила эту скамейку. Почему-то именно на ней к Дарье приходили самые неожиданные решения проблем, с которыми она сталкивалась. Это была обыкновенная деревянная скамейка, давно некрашенная, с выщербленной кое-где спинкой, каких много в этом уютном скверике около университета. Но она стояла под кроной дуба. А дуб был великолепен. От него веяло силой, спокойствием и умиротворением. Дарья читала книгу, когда услышала голос Майкла:

– Привет, сестренка. Знакомься, это – Владимир. Мой соратник из России.

Дарья оторвалась от книги и подняла глаза на юношей. Поздоровавшись с Майклом, она медленно перевела взгляд на Владимира. Владимир смотрел на девушку широко открытыми глазами, в которых читались плохо скрываемый интерес и удивление.

Внешность Дарьи произвела на Владимира странное впечатление. Что-то неуловимо знакомое виделось ему в чертах лица Дарьи. Владимир был уверен, что вздернутый носик ее, высокий лоб с челкой он уже где-то видел. Но где?...

– Здравствуйте, Дарья – Ответил на ее приветствие незнакомый юноша. – Рад с Вами познакомиться. Я – Владимир. Майкл заверил меня, что лучше вас нет на свете девушки.

– Он преувеличивает – зардевшись ответила Дарья.

Владимир пристально смотрел на нее, и Дарье стало не по себе под его взглядом. Хотя одновременно она испытывала некоторое волнение от его глаз, смотрящих на нее с интересом. Высокий статный парень с привлекательными голубыми глазами нравился ей и притягивал к себе.

Почувствовав некоторое замешательство со стороны Дарьи, Майкл пришел ей на помощь.

– Ну, что сестренка, давай покажем моему новому другу вечерний Сиэтл, пусть он влюбится в него, как и мы с тобой.

Они бродили по улицам Сиэтла, пока Дарья не взмолилась:

– Все, не могу, ноги отваливаются, давайте где-нибудь отдохнем, а потом вы меня проводите домой.

– У меня есть другое предложение. Приглашаю всех ко мне домой. – воскликнул Майкл, который не хотел расставаться ни с Дарьей, ни с Владимиром.

– Тем более, что мои родители, Владимир, все уши прожужжали. Когда приведешь своего нового друга, когда познакомишь нас с Владимиром? Мы с Дарьей ведь воспитаны практически одинаково. От родителей никаких секретов. А о тебе я им много рассказывал. Особенно заинтересован мой отец, ведь он тоже, как и мы, компьютерщик и очень талантливый.

С той встречи прошел месяц. Дарья почти каждый вечер пропадала где-нибудь в компании Владимира и Майкла. Майкл старался не оставлять девушку одну вместе с Владимиром. Он чувствовал, что Владимир и Дарья тянулись друг к другу. Майкл ловил себя на том, что

ему неприятно видеть, как Владимир украдкой берет руку девушки в свою, подносит ко рту для поцелуя. А Дарья, его Дарья, на которую он боялся дышать, от которой он скрывал свои чувства и называл, специально называл, сестренкой, чтобы она не заподозрила о его любви к ней, дрожала от каждого прикосновения Владимира. Майкл видел все, и как смотрела на Владимира Дарья, смотрела с восхищением и тихой внутренней любовью. Видел, как менялся Владимир, завидев издали фигурку Дарьи. Он становился еще выше, еще статнее, в глазах появлялся блеск и желание, желание видеть, слышать Дарью, дышать с нею одним воздухом, быть с нею. Майклу это не нравилось. Внутренний голос шептал ему:

– подойди к ним, оттащи их друг от друга, расскажи о своей любви к Дарье, любви, выдержанной годами, вымученной бессонными ночами, взлелеянной твоей трепетной душой.

Но он боялся оскорбить, оскорбить свою любовь, оскорбить дружбу, потерять дорогих ему людей. Поэтому Майкл молчал и только упорно и покорно следовал за Дарьей и Владимиром всюду. Он понимал, что мешает влюбленным, но ничего не мог поделать с собой. Его как магнитом, большим, мощным магнитом тянуло к обоим. Ну, а Дарья с Владимиром воспринимали общество Майкла на удивление спокойно. И это естественно, ибо Майкл был для обоих самым лучшим другом, которым они дорожили, которого уважали и дружбу с которым очень ценили. Влюбленные вели себя самым естественным для влюбленных образом: целовались украдкой, прижимались друг к другу тоже украдкой, смеялись невпопад, с их лиц не сходила счастливая и в то же время застенчивая улыбка, улыбка, предназначенная друг другу. Майклу было больно, но он не подавал виду. Он просто, когда надо, отворачивался, либо приседал, как бы зашнуровывая развязанный кроссовок, либо отбегал, как бы за мороженым для Дарьи. Его душа страдала, но лицо носило маску дружелюбия. Как долго это будет продолжаться Майкл не знал.

Глава 3

Алекс и Мелинда, пока Майкл сопровождал на свидания с Владимиром Дарью, были спокойны. Однако они тоже понимали, что Майкл не может вечно быть незаметным третьим, они видели, как он мучается. Алекс и Мелинда тоже мучились, мучились от неизвестности в отношении Владимира. Они столько раз хотели поговорить с ним, узнать о его семье и каждый раз откладывали этот разговор. Оба боялись этого разговора, хотя понимали, чем быстрее он произойдет, тем легче им станет дышать, смотреть в глаза дочери, в глаза самому Владимиру.

Приближалось Рождество. Ожидание чего-то необычного, волшебного, волнующего носилось в воздухе. Магазины вовсю вели предрождественскую распродажу товаров. Жители городов украшали свои дома, придавая им вид сказочных теремов. Дом Алекса и Мелинды тоже готовился к этому самому долгожданному и радостному празднику года. Ежегодно в этот день обязательными гостями были Роджер с Розы и Майклом. Из Бэлевью приезжала старшая сестра Мелинды Келли, а из Калифорнии – брат Алекса Эндрю с женой Пэм и дочерью Джени.

На это рождество Дарья попросила разрешения у родителей пригласить в гости Владимира.

– Мамочка, папочка, можно Владимир придет к нам на Рождество. Он один здесь, его семья так далеко, ему некуда идти – вкрадчивым голосом начала свою просьбу Дарья задолго до декабря. – Мне так хочется, чтобы вы с ним познакомились поближе. Он такой замечательный! – тихо, но уверенно закончила просьбу дочь.

Алекс посмотрел на Мелинду и заметил, как она побледнела, ее глаза беспомощно заморгали, рот приоткрылся. Ей вдруг стало не хватать воздуха. Он подхватил под локоть жену, погладил по спине, успокаивая, тихо сказал:

– Не волнуйся, дорогая. Все будет хорошо.

А потом громко, но мягко ответил дочери:

– Конечно, Дарьюшка, пригласи своего друга к нам. Нам будет интересно с ним пообщаться.

Когда дочь радостная выбежала из гостиной, Мелинда взволнованно спросила мужа:

– Ты уверен, ты уверен, что мы поступаем правильно, одобряя эти отношения? А вдруг у них пойдет слишком далеко, и мы уже не сможем контролировать ситуацию?

– Пойми, моя хорошая, – голос Алекса звучал спокойно и задумчиво – пока мы точно ничего не узнаем о Владимире, делать какие-либо выводы рано. Может быть мы ошибаемся в своих предположениях. Ведь людей, похожих друг на друга, очень много и не все они родственники.

Наступило Рождество. Дом Алекса и Мелинды встречал гостей. Где-то за месяц началось приготовление к этому празднику. Каждый год Алекс и Мелинда при активном участии дочери в результате жарких споров выбирали тему для оформления дома снаружи. Они старались не повторяться. В этом году было решено, что основной темой станет сказка «Снежная королева». Перед домом левее от входа были установлены небольшие сани, украшенные гирляндами из серебристой тонкой бумаги, стеклянными сосульками, подсвечиваемыми изнутри, большими и маленькими узорными снежинками. Внутри саней на серебристой подушке находилась фигура злой Снежной королевы, выполненная из металлической проволоки и одетая в красивое белое платье с длинным серебристым шлейфом. Голова королевы была немного опущена вниз, широкополая шляпа, обтянутая белой тюлью, закрывала лицо, как бы защищая его от холодного снежного ветра. Там же в санях чуть позади от снежной королевы была видна проволочная фигурка Кая, одетая в черные штанишки и курточку. Импровизированная голова была закутана в теплый полосатый шарф. Эта фигурка имела такой жалкий вид, что все проходящие мимо люди останавливались около саней, готовые подать ей милостыню. С правой сто-

роны от входа была поставлена проволочная фигурка Герты в бумазейном платье вишневого цвета, поверх которого было одето старое пальто из грубой серой шерсти, рукавички красного цвета и вязаная красная шапочка. Лицо было закрыто ладонью из рукавички. Фигурка была согнута так, что создавалось впечатление, что она не может выпрямиться из-за сильного северного ветра. И сани, и фигурка Герты стояли на искусственном снегу, который был насыпан перед домом густым слоем. Везде горели гирлянды из разноцветных лампочек, разноцветные сосульки и снежинки. Идея такого оформления принадлежала Дарье. Сказка «Снежная королева» была ее любимой сказкой.

Внутри дом украшала всегда Мелинда. Она коллекционировала фигурки санта клаусов и дедов морозов. Их у нее было более ста. Они отличались друг от друга высотой, толщиной, окраской, фасонами шуб, головных уборов и даже тростей. Санта Клаусы и Деды Морозы были расставлены по группкам в зависимости от размеров. Самые большие были поставлены около рождественской елки, самые маленькие на каминной полке рядом с рождественскими носками. Остальные несколько групп в разных частях гостиной. При входе в эту комнату создавалось впечатление, что попадаешь на некое собрание дедов морозов и санта клаусов со всего мира, на котором идет оживленное обсуждение международных проблем. Воздушные разноцветные шарики, гирлянды из цветной бумаги и маленьких фонариков, снежинки дополняли убранство комнаты.

Утром накануне Рождества приехала из Калифорнии семья брата Алекса Эндрю. Эндрю был старше Алекса на три года и возглавлял риэлторскую компанию в Сан-Диего. Братья были очень похожи и дружны между собой. Эндрю знал все перипетии жизни Алекса и часто давал ценные советы ему. Алекс с нетерпением ждал брата. Ему необходимо было выговориться, рассказать брату о том, что не давало покоя последние четыре месяца, с тех пор как появился Владимир. Ему было жалко Мелинду. Головные боли в эти месяцы усилились, и она жила практически на таблетках. Ее ежедневные медитации помогали на некоторое время, но ощущение постоянной тревоги не давало покоя жене, и Алекс очень беспокоился о ее не только физическом, но и психическом самочувствии. Да и сам он стал все чаще чувствовать пронзительно-тонкую боль в сердце.

Как только Эндрю вошел в дом, Алекс тут же подбежал к нему и прошептал:

– Мне необходимо с тобой поговорить. Давай пройдем в мой кабинет и... – но не закончил предложение, ибо к нему с улыбкой подошла жена Эндрю Пэм.

Алекс недолюбливал Пэм. Из милой и приятной девушки, которую Эндрю встретил двадцать шесть лет назад, она превратилась в занудливую женщину. Пэм любила вмешиваться в чужие дела, давать советы по поводу и без повода. И при этом она любила «выносить чужой мусор из избы», всячески смакуя его. Поэтому Алекс решил отложить разговор и быстро, стараясь быть максимально милым, поздоровался с Пэм.

– Пэм, дорогая, здравствуй. Очень рад видеть тебя в нашем доме, прекрасно выглядишь. – Произнеся эти дежурные фразы, Алекс повернулся к брату:

– Эндрю, надеюсь вы останетесь на дня два, и у нас будет время поговорить.

И опасаясь лишних вопросов со стороны Пэм, быстро пошел в сторону входных дверей.

В дом входила сестра Мелинды Келли. Келли, в отличие от Мелинды, была сухопарой и высокой женщиной пятидесяти семи лет. Она жила одна, личная жизнь у нее как-то не сложилась. Келли трижды выходила замуж, но ни один из мужей не смог вытерпеть ее сварливый и едкий характер. Дольше всех продержался последний муж, с которым Келли прожила пять лет. Из-за женской болезни она не смогла родить. Вначале Келли много плакала и страдала по этому поводу, а потом смирилась. Постепенно она научилась жить одна, думать только о себе и заботиться только о себе. Келли работала в страховой компании бухгалтером и проводила в офисе основное свое время. Одиночество превратили некогда веселую девушку в замкнутую,

хмурую и саркастичную особу. Но Мелинда любила свою единственную сестру и нуждалась в ней.

Келли, поздоровавшись с Алексом, прошла на кухню, где нашла Мелинду, колдующую над индюком. Нельзя сказать, что сестры были близкими подругами, разница в семь лет не сближала их. Но они всегда внимательно относились друг к другу. Внешний вид Мелинды не понравился сестре. Усталые глаза, серый цвет кожи, опущенные уголки рта говорили о бессонных ночах и глубоких переживаниях.

– О, Боже, Мелинда, что с тобой? Тебе опять не дают покоя головные боли? Ты обращалась к врачу? – понеслись вопросы.

– «Все в порядке, – ответила Мелинда, – не беспокойся, просто я очень устала за последнее время.

Она не стала говорить сестре о своих проблемах, о том, что напряженно ждет сегодняшнего дня в надежде на разрешение вопроса с Владимиром. Келли мало интересовалась личной жизнью сестры, а Мелинда не любила распространяться о своих проблемах. Да, Келли и не стала дожидаться полного объяснения от Мелинды, она быстро повернулась и вышла в гостиную.

В это время в дом входил Роджер с женой и сыном. Все трое были чрезвычайно возбуждены. Роджер и Розы вновь спорили по какой-то ерунде. Они постоянно находились в состоянии спора друг с другом. Алекс никогда не мог понять, что связывало этих совершенно не похожих друг на друга людей. Но, тем не менее, Роджер и Розы прожили больше двадцати пяти лет вместе и как-то уживались между собой. Роджер всегда говорил, что Розы со своим сварливым характером не дает ему стоять на месте. Так как в спорах, согласно известной половице, рождается истина, то Розы, сама того не подозревая, часто наталкивала мужа на интересные решения. А что касается манеры спора – повышенный тон голоса, переходящий в крик, то Роджер давно научился не замечать этого. Его, как умного человека, интересовал характер спора, а не тон, в котором он велся.

– Роджер, дружище, как я рад тебя видеть – встретил друга Алекс.

– Розы, Майкл, проходите, уже почти все собрались. Майкл, будь добр, развлеки девочек, они на втором этаже в комнате отдыха.

– А кто еще должен придти? – с интересом спросил Майкл Алекса.

– Разве ты не знаешь? Дарья пригласила Владимира вместе с нами отпраздновать рождество – несколько взволнованно ответил Алекс.

– Что? Опять, опять Владимир... – в сердцах произнес Майкл. – Он мне не говорил, что собирается сюда. Может он передумал? – выразил свое мнение Майкл с надеждой в голосе.

Но тут раздался вежливый стук в дверь, через несколько секунд она открылась, и появился Владимир.

Владимир был одет в превосходный синий костюм, голубую рубашку, удивительно идущую к глазам, и черные туфли на тонкой подошве. Его внешний вид резко отличался от вида присутствующих мужчин. И Алекс, и Роджер, и Майкл, и Эндрю были одеты на американский манер – в джинсы и рубашки. Владимир несколько смутился:

– Я не знал, что следует приходить в джинсах. У нас в России на праздники надевают все лучшее. Извините за мой слишком, наверное, вычурный вид.

– Ну что вы, Владимир, – тихо произнесла Мелинда, которая выходила из кухни. – Вы прекрасно выглядите, и я с Вами солидарна. Рождество – великий праздник и отмечать его надо в красивой нарядной одежде. Вы одеты как раз по случаю. Вам очень идет костюм. Надеюсь, Владимир, вам будет комфортно у нас. – подбодрила юношу Мелинда и попросила у присутствующих разрешения удалиться в свою комнату на время.

В своей комнате Мелинда села на кровать, обхватила голову руками, сдавила ее до боли в надежде, что уйдет внутренняя головная боль. Перед ее глазами стоял Владимир. Она лихора-

дочно перебирала в памяти черты его лица и сравнивала с давно забытым, глубоко спрятанным образом, который всплыл вдруг из подсознания. В комнату тихо вошел Алекс.

– Ты как, как себя чувствуешь? Все нормально? Мне не нравится твой вид. – озабоченно спросил он у жены. – Гости все уже собрались, надо идти к ним. Всё, слышишь, всё будет хорошо. Я хочу поговорить с Эндрю, хочу попросить его обратить внимание на Владимира. Со стороны всегда виднее. Ты не против? – с любовью в голосе спросил Алекс.

Дарья и Джейн весело о чем-то разговаривали в комнате отдыха на втором этаже, когда к ним поднялись молодые люди. Майкл прошел первым. Он хорошо был знаком с двоюродной сестрой Дарьи. Джейн радостным криком встретила юношу и стала задавать вопросы о его житье-бытье. Особенно ее интересовало, появилась ли у Майкла девушка. Майкл слегка покраснел, медленно повернул голову в сторону Дарьи, измученными любовью глазами посмотрел на девушку и спокойным голосом ответил:

– Наверное, еще не родилась та девушка, что покорила бы меня.

Но в этом голосе Дарья почувствовала такую боль и безнадежность, что ей стало жалко друга. Она подошла к Майклу, нежно поцеловала в щеку и тихо сказала:

– Не переживай. На свете много хороших и красивых девушек. Ты только открой свое сердце, и обязательно тебя полюбят.

Эту картину наблюдал тихо вошедший в комнату Владимир. Он не слышал, что сказала Майклу Дарья, но видел с какой нежностью она поцеловала друга и что-то говорила. Ему стало не по себе. За прошедшее время он полюбил Майкла как своего брата, но одновременно он испытывал глубокие чувства к Дарье. Владимир вдруг понял, почему Майкл все время был третьим на их свиданиях с Дарьей. Он стоял как вкопанный, не в силах что-либо дальше сделать. Тут к нему подошла Джейн:

– Привет, красавчик. Меня зовут Джейн. Думаю, что ты Владимир. Дарья мне все уши прожужжала про тебя. Но я не представляла, насколько ты интересен.

Джейн имела довольно красивые черты лица – большие ярко-голубые глаза, прямой небольшой нос, выразительные чувственные губы, которые она красила натуральной с блеском помадой. Ей было двадцать пять лет, после окончания архитектурного отделения Калифорнийского университета Джейн работала вместе с отцом. Это была довольно бойкая, знающая себе цену девушка, полная противоположность Дарье. Она любила шумные вечеринки, дискотеки и ночные клубы. Джейн пользовалась успехом у молодых людей, и надеялась быстро покорить Владимира, который сразу понравился ей.

Фамильярный и развязный тон девушки не понравился Владимиру, хотя внешность Джейн его восхитила. Джейн имела не только красивое лицо, но и ладно скроенную фигурку. Он вежливо поздоровался с ней и подошел к Дарье, которая с нескрываемой любовью смотрела на юношу.

– Сестренка, знакомься, это – Владимир. Он из России, стажировается в Майкрософте, друг Майкла и мой... – начала представлять юношу Дарья, но не закончила.

Ее прервала Джейн:

– Знаю, знаю, это твой ухажер, в которого ты влюблена по уши. Симпатичненький. Ну прямо как из «Плейбоя». – грубо ответила Джейн.

Майклу было противно слушать эти высказывания сестры Дарьи. Но одновременно он почувствовал, что если эта девушка возьмется за Владимира, то сможет оторвать его от Дарьи. Поэтому он промолчал и отошел к окну.

Дарья была шокирована поведением своей сестры. Она не видела ее с прошлого рождества. Джейн сильно изменилась. Такой прагматичности и развязности Дарья от нее не ожидала.

– Дарья, прекрасное оформление дома. Сказка «Снежная королева» – моя любимая сказка. Я просил маму рассказывать ее мне по вечерам на ночь, когда был маленький. – с неж-

ностью произнес Владимир, обращаясь к девушке и желая разрядить обстановку. – У нас в России никто не украшает дома подобным образом. Очень красиво! Это ты, Дарья, придумала?

Девушка немного успокоилась. Ей было приятно, что Владимир оценил ее усилия по украшению дома. Она была благодарна ему за тактичность.

– Я так рада, что тебе понравилось. Пойдем вниз, там, наверное, уже все садятся за стол – ответила Дарья, и переборов свое неприятное ощущение пригласила Джейн и Майкла пройти в гостиную.

В гостиной было шумно. Роджер и Эндрю играли в шахматы и каждый раз при удачном ходе громко и удовлетворенно вскрикивали. Пэм и Келли оживленно обсуждали новые направления моды в следующем году. Алекс и Мелинда завершали приготовление праздничного стола. Им стала помогать Дарья. Владимир и Майкл говорили о новом проекте, который был им поручен. При этом оба не спускали глаз с любимой девушки. Дарья чувствовала взгляды молодых людей, устремленные на нее, ей было приятно и одновременно неловко.

Тут к Владимиру подошла Джейн. Она заметила влюбленные взгляды юноши, которые были направлены на Дарью, и это ей совсем не нравилось. Джейн решила обратить внимание нового знакомого на себя.

– Владимир, ты сказал, что «Снежная королева» любимая твоя сказка и твоя мама читала ее тебе на ночь всегда. Интересно, а какая у тебя мама, где она? Так хочется знать о тебе все – медленно, с игривым наклоном головы и флиртующим оттенком в голосе спросила Джейн.

В гостиной вдруг наступила тишина. Все внимательно и с интересом посмотрели на юношу. Его лицо несколько побледнело, глаза немного увлажнились, потом оно вдруг исказилось гримасой горя и печали и наконец Владимир, справившись с собой произнес тихим голосом:

– Моя мама, моя мама... она живет в Санкт-Петербурге. Я звоню ей каждый день... Извините. Я не могу сейчас говорить. Мне тяжело... Это было так неожиданно. Мы до сих пор еще не можем поверить в это.

Мелинда и стоявший рядом с ней Алекс инстинктивно сплели свои руки в один тугой узел, не моргая пристально и напряженно посмотрели на юношу. В глазах у обоих читалось глубокое удивление и тревога. В голове у обоих возникали одни и те же вопросы:

«Что стало с матерью мальчика, почему он не хочет о ней рассказывать, что вообще случилось с этой семьей?»

Но задать эти вопросы юноше они не осмелились.

«По крайней мере не сейчас. Надо будет все взвесить, посоветоваться с Эндрю и Роджером» – решил Алекс.

Владимир быстро опомнился, извинился за минутную слабость и ... закрылся. Его лицо вдруг стало непроницаемым, холодным и неприятным. Такая перемена поразила всех, но никто ничего не сказал. Майкл, стоящий чуть поодаль и наблюдавший за Владимиром, был удивлен не менее остальных. Он понял, что Владимир далеко не так прост, как казался несколько минут назад. Майкл посмотрел на Дарью. Девушка смотрела на Владимира глазами, полными слез. Она, казалось, ничего не видела вокруг, только Владимира, его сначала печальные, а потом жестко-грустные глаза. Дарья медленно подошла к юноше, взяла его за руку и задала первый пришедший ей на ум вопрос:

– Хочешь посмотреть наш семейный фотоальбом?

– Дарьюшка, рождественский ужин стынет. – тихо сказала Мелинда. А потом громким голосом пригласила всех в просторную столовую, где был накрыт к ужину большой круглый стол.

После ужина все разбрелись кто куда. Алекс, Роджер и Эндрю прошли в просторный, обставленный с большим вкусом кабинет хозяина дома. Сели в уютные большие кресла, стоящие вокруг небольшого журнального столика. Тихо вошедшая Мелинда поставила на стол

рюмки для коньяка и бренди. Алекс достал бутылку дорогого французского коньяка Хайн Марьяж. Он знал, что Эндрю знает толк в коньяках, и специально для него купил этот дорогой и редкий напиток. Для Роджера Алекс припас бутылку отличного перуанского бренди Писко Перувиан, производимого домом Капел.

– Алекс, угодил, угодил! – восхищенно произнес Эндрю, рассматривая красивую бутылку дорогого коньяка. – Признаться, давно я не пил его. Помнится, эта марка коньяка отличается особым ароматом и терпким вкусом.

Эндрю с удовольствием отпил глоток коньяку из рюмки. Роджер пригубил бренди, услужливо налитый в бокал другом. Алекс предпочитал крепким напиткам калифорнийское вино, с бокалом которого хозяин дома вошел в свой кабинет. На несколько минут в кабинете наступила пауза, во время которой каждый наслаждался своим напитком.

– Ну что, брат, рассказывай, что так тебя тревожит. – неожиданно раздался хорошо поставленный голос Эндрю. – Я весь вечер наблюдаю за тобой и Мелиндой. Вы оба не похожи на себя, что-то изнутри вас съедает. Глаза Мелинды всегда такие веселые, искристые сегодня выглядят потухшими. Как она себя чувствует? Это связано с ее мигренью?

Алекс ответил не сразу. Он никак не мог подобрать слова для объяснения. Ему вдруг показалось, что свои сомнения по поводу Владимира не следует пока выносить на суд брата и лучшего друга, по крайней мере не сегодня. Не хотелось расстраивать их и грузить своими проблемами в этот прекрасный рождественский день. Поэтому, немного подумав Алекс, спокойным и размеренным голосом сказал:

– Друзья, я так рад видеть вас снова в нашем доме. Ближе вас у меня никого нет. Предлагаю выпить за то, чтобы нам всегда было хорошо вместе

Тут в кабинет без стука и предупреждения вбежала Дарья. Лицо ее пылало, глаза искрились каким-то загадочным внутренним светом. В руках она держала фотографию. На ней была изображена молодая лет двадцати девушка в красивом бальном платье от Жанны Пакен, известного французского модельера начала двадцатого века, с красиво и сложно уложенными волосами, на груди девушки красовалось старинное изумрудное кольцо. Губы Дарьи дрожали, сотня вопросов готова была сорваться с них. Дарья подбежала к отцу и вибрирующим от волнения голосом спросила:

– Папа, папа, кто эта девушка?

– Откуда ты взяла эту фотографию, Дарьюшка? – спросил Алекс тихим, но с оттенком волнения голосом – И почему она тебя заинтересовала?

– Она заинтересовала не меня, а Владимира, которому я показывала наш семейный фотоальбом. – ответила девушка. – Он уверяет, что знает эту девушку. Владимир считает, что на фотографии изображена соседка его матери. Только вот одета она странно.

– Этого не может быть, доченька. Этой фотографии больше девяносто лет, а точнее девяносто пять. На ней изображена сестра твоего прадеда княгиня Елизавета Ухтомская. В 1912 году Лиза вышла замуж за князя Выхулева Игоря Дмитриевича и уехала в его имение и, сложилось так, что мы о ней больше ничего не слышали. Поэтому вряд ли Владимир мог видеть ее. И более того, знать ее. Этот альбом мой прадед вывез из России в 1918 году. Он очень дорожил им, говорил, что в нем история нашего рода. . .

Дарья была ошеломлена услышанным. Вид у нее был растерянный, в глазах стояло изумление, смешанное с любопытством. Она не знала, как реагировать на отцовское признание. Девушку мучил вопрос, почему отец никогда прежде не рассказывал о себе, почему она сама никогда не интересовалась, какие у нее корни. По вечерам, когда собиралась семья, разговаривали обо всем: работе, учебе, планах на выходные и отпуск, о прочитанных книгах, просмотренных фильмах, прослушанных концертах, но никогда отец не рассказывал о своей семье. Дарья не знала родителей Алекса, они ушли из жизни до ее рождения. Она не знала и родите-

лей матери. Дарья выросла без бабушек и дедушек и для нее это было естественным. Родители не любили рассматривать старые фотоальбомы. А дочь не изъявляла желания их посмотреть.

К Алексу подошел Эндрю, который с интересом слушал разговор своей племянницы с братом.

– Скажи, Алекс, ты когда-нибудь рассказывал своей дочери о нашей с тобой семье? Дарья знает, что мы с тобой русские, хоть и родились в Америке, что происходим из старинного русского княжеского рода Ухтомских, который ведет свое начало от Рюриковичей? Голос Эндрю звучал жестко и в то же время гордо. – Джейн моя знает, что в ней течет русская кровь, она неплохо говорит по-русски, правда читать и писать ей трудно. Я к сожалению своему огромному не удосужился во время научить ее письменному русскому. Но с детства дома говорю с дочерью на русском. И Джейн гордится своими русскими корнями. Не понимаю твою позицию, Алекс. Не понимаю Мелинду. Она ведь умная тонкая, психологически тонкая женщина. Как можно было упустить самое главное в воспитании дочери, не дать ей основ фамилии.

Алекс слушал брата тихо, опустив голову, понимая полностью его правоту. Он вспомнил, как после появления Дарьи они с Мелиндой решили никогда не затрагивать русскую тему. Она была для них слишком больной. Но одновременно супруги понимали, что рано или поздно, но придется рассказать Дарье все. И этого момента они боялись и всячески оттягивали.

Тут в кабинет вежливо постучали и в ответ на приглашение вошли Владимир, Майкл и Джейн. Джейн держала в руках семейный фотоальбом.

– Папа, – обратилась она к Эндрю, – посмотри на эту фотографию.

На фотографии были запечатлены трое молодых мужчин, которые стояли за стульями, на коих сидели две молодые женщины. Все были одеты по последней моде начала двадцатого столетия. Фотография была датирована 1912 годом. – Папа, – продолжала Джени – эта фотография князей Ухтомских с женами? Я узнала твоего дедушку, а остальные мужчины похожи на него. У нас такой фотографии нет.

– Да, доченька, ты права. Это, действительно, все князья Ухтомские. И эта фотография сделана во время свадьбы их единственной сестры Лизоньки. – произнес Эндрю. – Я всегда считал, что ты, Джейни, похожа на свою прапрабабушку, посмотри, она сидит слева.

– Действительно, есть сходство и большое – включился в разговор Владимир. – Я сразу отметил это и сказал Джейн. Она у вас прекрасно говорит по-русски. Это так приятно. А вот Дарья не похожа на свою прабабушку, хотя какое-то сходство с Джейн у нее есть. Мне кажется она похожа на другую женщину, фотография которой сейчас у нее в руках.

Глава 4

Россия, октябрь 1918 года. Родовое имение князей Ухтомских под Петроградом. Имение практически разрушено. Жилыми остались три комнаты, в которых расположились семьи князей Ухтомских. В одной из них, самой большой и просторной, за когда-то красивым и дорогим овальным столом сидели все представители рода князей Ухтомских. Самому старшему из них князю Александру чуть больше сорока лет. Это высокий статный мужчина, на котором отлично сидел мундир офицера царской армии без погон и других отличительных элементов. Но покрой и материал, из которого был сшит мундир, свидетельствовали о высоком чине его обладателя. Князь Александр действительно был полковником царской армии. После окончания Павловского военного училища он был направлен в чине подпоручика в лейб-гвардии финляндский полк, в котором прослужил вплоть до февраля 1917 года. Февральский переворот 1917 года, приведший к отречению императора от короны, породил хаос в его душе. Князь не смог смириться с тем, что происходило в России. Он оставался верен императору и, когда власть в стране перешла к Временному правительству, и когда в результате Октябрьской революции власть захватили большевики. Александр не участвовал ни в одном из военных конфликтов последних лет. Хаос в душе постепенно трансформировался в навязчивую, казавшуюся единственно правильной, идею покинуть Россию, Россию, которую он так любил, но которую никак не мог понять и принять.

– Да поймите же вы меня! Нельзя здесь оставаться, нельзя! Посмотрите, что творится! Разруха, голод – это еще не так страшно. Рано или поздно разрушенное будет восстановлено. – говорил князь Александр с излишней горячностью, совершенно не свойственной этому спокойному и уверенному в себе человеку.

– Страшно другое. Ни одна революция не проходит без массовых уничтожений инакомыслящих. А таких в России, я думаю, большинство. Это не только люди нашего круга, но и здравомыслящая интеллигенция, и даже зажиточные крестьяне, все те кому есть, что терять. Боже мой, вы, господа, даже не представляете, что со всеми нами будет! – Александр быстро ходил по комнате взад – вперед.

Он вдруг замолчал, подошел к окну и стал долго смотреть на улицу. В комнате стояла напряженная тишина. За окном ветер гонял пожелтевшие листья, успевшие опасть с деревьев, низкие набухшие тучи готовы были вылить весь свой запас воды на израненную, истосковавшуюся по уходу землю. Было темно и очень тревожно. Где-то вдали слышался непонятный гул, который то нарастал, то затихал. Александр неожиданно резко повернулся. Его лицо было искажено гримасой ужаса и решимости одновременно. Князь медленным стальным голосом произнес, обращаясь к своим братьям:

– Я хочу, чтобы вы знали. Я давал присягу Его Величеству Николаю Второму и не намерен ей изменять. Но императора нет, нет и той России, которой я служил и которую защищал. Присягать вновь кому-либо я не собираюсь.

Его четкий, хорошо поставленный голос звучал в полной тишине комнаты как удары молота о наковальню. Наковальней служили сердца и души присутствующих. Жена князя Александра княгиня Елена с любовью смотрела на мужа. Она была солидарна с ним. У них был сын Георгий, которому месяц назад исполнилось шестнадцать лет. Елена очень боялась за его будущее, более того, она не видела будущего для сына в этой новой, враждебной для них России.

– Я принял решение уехать из России, уехать навсегда. – четко, выделяя каждое слово, произнес Александр. – Я предлагаю вам, моим братьям, присоединиться ко мне, к моей семье. И решить это надо сегодня, завтра может быть уже поздно. Его светло-голубые глаза вдруг

потемнели, и в глубокой синеве их можно было прочесть такую непоколебимую уверенность в своем решении, что братья долго не решались что-либо сказать. Воцарилась гнетущая тишина.

Средний брат, князь Леонид, встал с кресла, в котором он на протяжении всего времени сидел почти не шелохнувшись с опущенной головой, и прошел к окну. За окном было уже темно, ветер не утихал. Начинался скучный осенний дождь, который все нарастал и наконец стал зло хлестать по стеклам окон. В комнате было также темно. Ольга, жена князя Леонида, зажгла три свечи и поставила их на стол. В мигающем тусклом свете свечей лица людей, сидящих за столом, выглядели уставшими и измученными. Их глаза казались потухшими, они выражали страдание. Гнетущая тишина в комнате была прервана глухим негромким голосом Леонида, тихо подошедшего к столу.

– Я понимаю тебя, Саша. Ты всегда был верен своему слову и своим принципам. Не хочешь изменять им и сейчас. Да, я понимаю, тебе трудно представить себя в новой России. Но уезжать из родной страны неизвестно куда, как ты предлагаешь, мягко говоря глупость, величайшая глупость.

Леонид вплотную подошел к старшему брату и посмотрел тому в глаза, Александр также прямо смотрел в глаза Леонида. Казалось, эта перекрестная тихая война между двумя парами глаз, никогда не закончится. Синие, похожие на глубокие озера глаза Александра и темно – карие, почти черные глаза Леонида смотрели друг в друга как бы разговаривая, споря, пытаясь найти ответы на столь трудные, практически судьбоносные вопросы: что делать дальше, как жить, где жить, во что верить.

– Нет, ты Леонид, видимо не до конца понял, что из себя представляет новая Россия и кто в ней сейчас творит историю. – нарушив долгое, слишком затянувшееся молчание Александр. – Согласно гимна большевиков мы с вами и иже нам подобные являемся «сворой псов и палачей», и мы по их разумению должны быть уничтожены как класс, а кто был ничем, тот должен стать всем. Вам что-нибудь говорят эти слова, которые можно рассматривать как программу действий новой власти в отношении нас и подобных нам. Я не позволю, чтобы меня и мою семью уничтожили из-за какой-то бредовой идеи всеобщего равенства.

Голос князя набирал силу, и последние слова были сказаны жестким, суровым тоном. Его тонкий достаточно длинный нос раздувал ноздри, красивый высокий лоб, испещренный мелкими едва заметными морщинами, покрылся испариной, бледная кожа щек порозовела, худощавая высокая фигура была напряжена. И лицо, и фигура Александра говорили о непоколебимости в принятом решении.

Князь Леонид не ожидал такого напора от старшего брата. Несмотря на разницу в возрасте в пять лет они были очень дружны. Зачастую верх в мальчишеских спорах одерживал он, Леонид. Кроме того, Александр бывало прислушивался к мнению своего младшего брата. Отчасти, Леонид понимал Александра. Александр свою жизнь посвятил военному делу. Еще мальчишкой он мечтал о военных подвигах. Его кумирами были два Александра – Александр Невский и Александр Суворов. Он тоже Александр и готовился к защите своего отечества от завоевателей, хотел прославиться на полях сражений как искусный полководец. Но воевать со своим народом, русским народом князь не мог, пусть даже этот народ готов уничтожить его и всю его семью. Леонид прекрасно понимал эти рассуждения своего старшего брата. Но он не мог согласиться с тем, что единственным выходом для всех них является выезд из России.

– Нет, Саша, ты, ... ты ... ты очень жесток к себе и своей семье. – дрожащим от волнения и переполнявшего чувства тревоги голосом Леонид обратился к Александру. – Ты, вообще, представляешь, на что обрекаешь себя, Елену, сына, наконец? Как и где вы собираетесь жить? На что жить, чем заниматься? Саша, ты продумал все эти вопросы?.

Голос Леонида звучал как набатный колокол – тревожно и призывно.

– А ты что молчишь, Алексей? – обратился князь к самому младшему из троих братьев.

Князь Алексей стоял у окна и смотрел на улицу, где всюду бушевал ветер, срывая с деревьев немногочисленные желтые листья, ломая сухие ветки, завихривая пожелтевшее цветочно-лиственное покрывало земли. Дождь похлестал минут семь по окнам, так и не успев как следует смочить землю, обеспечив работу ветру. В комнате стало неуютно и промозгло, женщины накинули на плечи теплые шерстяные шали. Княгиня Ольга подошла к дивану, стоявшему у одной из стен комнаты, на котором спала их с князем Леонидом трехлетняя дочь Лида, и накрыла ее пледом. Поеживаясь от холода, Алексей подошел к камину и разжег огонь. Слегка подмокшие березовые поленья с трудом вбирали в себя энергию от разгоревшихся сухих щепочек, чтобы потом с удвоенной силой отдавать тепло нуждающимся в нем людям. В комнате постепенно становилось теплее. Князь Александр подошел к своей жене и с нежностью предложил ей сесть поближе к камину. Ее примеру последовала и княгиня Ольга. Александр с Леонидом остались сидеть за столом. Свечи почти догорели. Новые решили не зажигать, Свет от наконец-то разгоревшихся поленьев освещал почти половину комнаты. Этого было достаточно, чтобы видеть лица всех присутствующих.

Князь Алексей сел на стул рядом со старшим братом. У них была довольно большая разница в возрасте. Алексею исполнилось неделю назад двадцать семь лет. Родители братьев погибли в 1895 году во время пожара в соседнем имении, принадлежащем князю Головину Виктору Алексеевичу. Пожар произошел во время празднования Рождества по неосторожности одного из слуг хозяина. Тогда практически никто не спасся. Живым, но сильно обгоревшим остался только сын князя Головина Григорий, который долго лечился за границей, а потом так и остался жить где-то в Италии. Братья остались на попечении дяди, брата матери. Александру к тому времени было уже восемнадцать лет и он готовился к поступлению в училище. Но несмотря на то, что он был далеко от родного очага, князь Александр часто навещался домой. Эти кратковременные побывки молодого князя были праздником для его братьев, особенно младшего, Алексея. Алексей пытался подражать Александру, который был для него примером во всем. Тем не менее, Алексей выбрал другую дорогу в жизни. С детства он мечтал об изучении богатств земли, об открытии месторождений, особенно его интересовало геологоразведка нефтяных залежей. Алексей окончил горный университет в Санкт Петербурге и стал горным инженером. Он не был женат и не собирался связывать себя узами Гименея по крайней мере лет до тридцати. На первом месте в его жизненном пространстве стояла наука. Это был жизнерадостный, полный больших надежд молодой человек. Но сегодня здесь, сейчас он понял перед каким выбором стоят они все: он, его братья, их жены и дети, выбором, от которого зависело всё их будущее. Так же как и Леонид Алексей понимал старшего брата. Но одновременно он был согласен и со средним братом. Алексей не представлял, как можно покинуть родину в столь трудный для нее момент.

Вдруг он внезапно встал, подошел к камину. В отблесках горящих поленьев лицо князя казалось бледным и каким-то нервным. Резко выделялись ходящие желваки. Немного постояв у камина, по-мальчишески звонким голосом он произнес фразы, над которыми думал весь этот вечер:

– Александр, я очень тебя люблю, ты знаешь это. Я почитаю тебя как старшего в нашей семье, мне ты практически заменил отца. Но сейчас я не могу тебя поддержать.

Алексей немного передохнул от сказанного на одном дыхании и продолжил: – Россия – наша родина, мы здесь родились, выросли, здесь похоронены наши родители и родители родителей. Здесь вся история нашего рода, рода князей Ухтомских. Да, мы служили императору Николаю II, служили всем царям до него, служили верно и преданно. Настало время, и Николай II свергнут. Сейчас власть принадлежит большевикам. Но ведь они тоже родились и выросли в России, и думаю, любят ее не меньше, чем мы с тобой. Большевики пытаются построить новое государство, в котором не будет деления на сословия, богатых и бедных. Не знаю, может быть у них это когда-нибудь и получится. Не знаю.... Знаю только, что среди них

и тех, кто на их стороне много интеллигенции, думающих и грамотных людей. Они не позволят уничтожить Россию, которую мы любим. Алексей замолчал. Его голос постепенно стал утихать, терять звонкость, приобретать хрипотцу. Алексей налил из графина воды в небольшой хрустальный стакан, выпил ее большими глотками. Присутствующие наблюдали за его действиями молча. Молодой князь резко повернулся к Александру и заговорил вновь отдохнувшим звонким голосом:

– Саша, родина не становится хуже от того, что в ней меняются правители. Родина это место, где мы родились, живем, имеем дом, семью. Подумай, крепко подумай прежде, чем принимать окончательное решение об отъезде. Помни, уехав навсегда из России ты потеряешь силы Антея. А без них прожить очень и очень трудно.

Тут Александр в порыве гордости за своего самого младшего брата обнял Алексея, потом посмотрел в его голубые, такие же как у него, глаза долгим взглядом, как будто хотел либо что-то оставить там свое, либо что-то забрать для себя.

– Боже мой, я и не заметил, как ты вырос, превратился в мужчину, умного, цельного человека. Я горд за тебя. – с глубокой нежностью в голосе произнес Александр.

– Ты прав в целом, Алеша, говоря о России как о родине. Да, я здесь родился, вырос, получил образование, служил Отечеству, но Отечеству, которого уже нет. Россия уже не та, я не чувствую сопричастность к судьбе нынешней России. Она для меня чужая. Алеша, Леня, поймите, родина это не только место рождения человека, и место, где лежат в земле его родные. Родина – это место, где ему хорошо. Я боюсь нынешней России и людей, находящихся сейчас у власти. Я долго думал, смогу ли принять ее сейчас, служить ей. И у меня всегда возникал один ответ – нет, не смогу.

Александр замолчал. Его глаза были влажными, губы дрожали, щеки покрылись нервным румянцем. После некоторого молчания, позволившего ему успокоиться, князь тихим, но строгим голосом продолжил:

– Ну что же, я понимаю вас, понимаю ваше нежелание поддержать меня и уехать вместе из России. Через три часа я с семьей должен встретиться с моими товарищами из Финляндского полка. Нам помогут перебраться сначала в Швецию, потом Англию. А оттуда скорей всего наш путь будет лежать в Америку, если, дай Бог, мы останемся живы.

Александр перестал говорить, в горле у него пересохло от нервного напряжения, он потянулся к стакану с водой. Все находящиеся в комнате сидели настолько тихо, что слышно было как в соседней комнате зашуршали мышки. Сделав несколько больших глотков воды князь продолжил:

– Думаю, что это последний наш совместный вечер. Не знаю, как сложатся наши судьбы и судьбы наших детей. Я прошу вас не забывать друг друга и чаще смотреть на нашу совместную фотографию, сделанную в день свадьбы Лизоньки. Помните, она есть у каждого из нас. Давайте договоримся, что эту фотографию мы передадим своим детям, они должны передать ее своим детям. Может быть когда-нибудь пути наших потомков пересекутся. ... Голос Александра задрожал от волнения, в глазах стояли слезы. Он подошел к жене, положил ей на плечо руку и тихо, но твердо произнес:

– Пора, дорогая. Георгий уже ждет нас на улице, он подготовил коляску с лошадьми. У нас мало времени.

Потом князь резко повернулся к остальным, братья и княгиня Ольга стояли в ожидании прощания. Все были удручены, глаза блестели от слез, молчали, говорить уже не могли, да и не хотелось, слишком много чувств испытывал каждый. Братья обнялись все вместе, постояли так минуты три и тихо, но твердо произнесли:

– Будем помнить друг друга всегда!

Братья никак не могли разомкнуть свои руки, сейчас как никогда они чувствовали себя как одно целое. И вот это целое должно разорваться, сломаться, лишиться своего главного звена... Ох, как трудно расставаться... Княгиня Елена тихо подошла к братьям и сказала:

– Ленечка, Алёшенька, нам пора, скоро будет светать и уехать отсюда будет очень тяжело, кроме того, мы подведем своих товарищей.

Потом она повернулась к Ольге, обняла ее, поцеловала крепко и нежно.

– Прощай, Олечка. Не знаю, увидимся ли. Береги Леонида, Алексея и Лидочку. Александр и Елена уже у дверей поклонились и быстро вышли из дома.

Глава 5

На следующий день после рождества встали поздно. Накануне долго не могли заснуть после тяжелого разговора, навеянного просмотром старого семейного фотоальбома. Алекс и Мелинда чувствовали себя виноватыми перед дочерью. «Действительно, Эндрю совершенно прав.» – подумал Алекс как только он осознал, что проснулся.

Всю ночь ему снилось, как Владимир и Дарья, взявшись за руки уходили прочь от их дома. И сколько бы Алекс не звал их вернуться, кричал до хрипоты, Владимир и Дарья не обернулись и уходили все дальше и дальше, пока не скрылись в тёмной синеве. Во сне Алекс никак не мог понять, почему они уходят, он все силился увидеть место, что приняло его дочь и ее друга. Но как бы он не напрягал зрение, темно-синяя, почти черная дыра поглотила обоих. Алекса охватил ужас, он пытался кричать, но рот не издавал ни одного звука, он пытался бежать, но ноги не слушались его. Рядом никого не было, даже Мелинды. Он стоял в полном одиночестве среди совершенно голого безжизненного пространства.

Алекс проснулся в холодном поту, инстинктивно сдвинул голову руками, пытаясь выдать из нее сверлящую мозг боль, боль возможной утраты дочери. Мелинды рядом не было. Она встала на час раньше, чтобы приготовить завтрак для семьи и родственников, что остались ночевать. Накинув халат, Алекс прошел в ванную комнату, посмотрел в зеркало. Оттуда на него смотрел мужчина с изможденным лицом и больными глазами. Освежив лицо холодной водой и не вытирая его, Алекс медленно пошел к комнате дочери и тихо приоткрыл дверь. Дарья безмятежно спала. Ее шикарные волосы были раскиданы по подушке, лицо было спокойным, губы приоткрыты в легкой улыбке. Полюбовавшись дочерью и немного успокоившись, Алекс спустился на первый этаж, где в кухне всю хлопотала хозяйка дома.

– Проснулся? – спросила Мелинда Алекса. – Как себя чувствуешь? Ты всю ночь ворочался и стонал. У тебя что-нибудь болит? Ты неважно выглядишь.

Мелинда с любовью посмотрела на Алекса и нежно поцеловала его.

– Минди, ...Минди... – Алекс никак не мог начать разговор. – Минди, ... да, мне плохо, очень плохо. Но болит не тело, а душа. Не могу простить себе, что уговорил тебя когда-то не затрагивать прошлое в разговорах с дочерью... Минди, ты была права, рано или поздно, нам пришлось бы рассказать все Дарье. Лучше пусть это сделаем мы, чем кто-то за нас. – каждое слово давалось Алексу с трудом.

Картины сна стояли перед его глазами настолько реально, что он поневоле делал отпугивающие от себя движения рук. Мелинда внимательно смотрела на мужа и слушала его дрожащий голос. Глаза супругов встретились и каждый прочел то, что увидел. Алекс ощутил в глазах жены молчаливое согласие с ним. Минди в глазах мужа прочла страх и некую беспомощность перед будущим. Ей стало жалко его. Мелинда обняла мужа и тихо, почти не слышно, прошептала.: – Все будет хорошо. Мы сумеем исправить свою ошибку.

В их тандеме все двадцать с лишним лет, что они женаты, первенство в твердости духа всегда принадлежало Мелинде. Алекс часто поражался тому, как жена умеет управлять своим настроением и своими эмоциями.

– Родители, доброе утро! – раздался бодрый голос дочери. – Мама, ты уже приготовила завтрак? Какая ты у меня заботливая!

– Спасибо, дорогая, как спалось? – спросила Мелинда Дарью с приветливой улыбкой на лице. – Что тебе приснилось? Говорят, что сны, увиденные в ночь перед и после рождества, являются вещими.

При этих словах Алекс инстинктивно вздрогнул и резко встал. Его глаза беспомощно заморгали и невольные слезы заблестели на ресницах. Ему стоило немалых усилий подавить в себе неприятные ощущения и к дочери Алекс подходил уже с лучезарной улыбкой на лице.

– С новым днем, доченька – ласково обратился он к Дарье. – Давай, иди буди Джейн. А я позову Пэм и Эндрю. Надеюсь они уже встали. Пора завтракать. Мама приготовила отличный праздничный завтрак.

Через двадцать минут все сидели за столом. Мелинда как всегда проявила свое кулинарное мастерство. Ей удалось учесть вкусы семьи и своих гостей. Помимо фруктов, йогурта, творога на аккуратных сервировочных блюдах лежали горячие сэндвичи с сыром и беконом, овсяная каша, от которой исходил приятный тонкий аромат, блинчики с сиропом, поджаренный хлеб, хлопья с молоком и, конечно же, кофе, приготовленный в электрической кофеварке. Отдельно стояли кувшины с апельсиновым и томатным соками.

– Вот это да! – воскликнула Джейн, садясь за стол. – Мама, тебе стоит поучиться у тети Минди. Посмотри как красиво и вкусно все выглядит! А ты только и можешь, что приготовить скрамбл да тосты.

– Ну что ты говоришь, доченька? – несколько пристыженно спросила Пэм.

Она покраснела, внутренняя дрожь пробежала по ее телу.

– Я стараюсь, стараюсь, все для тебя делаю, а ты... ты ... бессовестная ... дрянь! Голос Пэм постепенно набирал силу и предложение было закончено на истеричной ноте.

– То, что я для тебя дрянь, я знаю давно. Бедный папа, как только он тебя выносит? – не осталась в долгу Джейн.

Эндрю молчал. Непрятельские отношения между супругой и дочерью его изматывали, и Эндрю научился не слышать грубые перебранки между ними. А началось все два года назад, когда Джейн привела в дом молодого парня и заявила, что выходит за него замуж. Пэм, привыкшая решать всё сама, указала парню на дверь. И он больше никогда не появлялся в их доме. Джейн тоже хотела уйти, но Пэм перегородила дорогу, заявив, что дочь не получит ни цента в этом случае. Джейн осталась. Тогда она была еще студенткой университета и в материальном плане полностью зависела от родителей. Но с того дня между Джейн и Пэм установились холодные отношения. Дочь при любом удобном случае грубила матери, показывая ей свое презрение. Пэм очень переживала и буквально за два года превратилась в сварливую с постоянным чувством вины женщину. Она постарела и подурнела.

Джейн была девушкой резкой и заносчивой. Она любила ставить последнюю точку в разговоре сама. Поэтому Джейн резко встала из-за стола, поблагодарила Мелинду и Алекса за завтрак и вчерашний праздник и громко произнесла:

– Дорогие мои родители, сегодня не ждите меня рано. Я договорилась с Владимиром пойти в ночной клуб.

Наступила неловкая тишина. Все посмотрели на Дарью. Бедная девушка застыла с сэндвичем в левой руке и чашкой кофе в правой. Глаза ее непроизвольно и беспомощно заморгали, лицо покрылось красными пятнами. Дарья не могла выдавить из себя ни одного слова. Когда она вчера прощалась с Владимиром и Майклом, никакой договоренности по поводу ночного клуба и сегодняшнего вечера у них не было. Владимир обещал позвонить после полудня. И меньше всего Дарья ожидала, что ее двоюродная сестра заинтересует Владимира. Она поймала на себе взволнованный взгляд матери и нахальный взгляд сестры. Чтобы не разрыдаться прямо здесь при всех, Дарья вскочила со стула и стремглав помчалась в свою комнату. Только, когда за ней закрылась дверь, девушка дала волю своим чувствам. Нет, слез не было, была одна злость. Дарья металась по комнате, от окна к двери, от двери к окну, натываясь на кровать, ударяясь об угол комода. В голове был хаос, противный такой, затягивающий невесть куда хаос, в висках стучало, мысли путались, не находя выхода. Тяжелая усталость навалилась на девушку, и она повалилась на кровать. Захотелось укутаться в одеяло с головой и забыться, забыться и чтобы тебя тоже забыли.

В дверь тихо постучали. У Дарьи не было ни сил, ни желания ответить. Кто-то потоптался у двери и отошел.

«Что же делать, как быть? Что это – предательство Владимира? А может быть Джейн специально сказала о встрече с Владимиром, чтобы позлить меня?» Вопросы проносились в голове девушки, и она не находила на них ответы. Владимир занимал все ее мысли. За четыре месяца, что они знакомы, Дарья привыкла к тому, что Владимир всегда вместе с ней. Правда, он не говорил ей прямо, что любит, но она и так была в этом уверена. Его поведение с ней было красноречивей слов. А может ошибалась? ... Девушка с силой сдвинула себе виски.

– Да что же я мучаюсь в неведении. Надо позвонить Владимиру и сразу все разрешиться – решила Дарья.

Она лихорадочно набрала номер сотового телефона юноши и с надеждой стала ждать. Девушка простояла с трубкой в руке минуты три, слушая как на другом конце трезвонил телефон, пока механический голос не предложил оставить сообщение или перезвонить попозже. Дарья без сил опустилась на кровать, закрыла глаза. Потом резко встала, набрала номер Майкла и стала ждать. Через секунд пятнадцать на противоположном конце телефона раздался заспанный голос Майкла:

– Привет, сестренка. Извини, я только встал, еще даже не умылся, Что случилось?

Голос Майкла как всегда был ласковым и спокойным. Дарья поздоровалась, голос ее немного дрожал, ей это было неприятно. Девушка не любила, когда ее жалели, даже, если это были родители и лучший друг Майкл. Она немного помолчала, приводя чувства и мысли в порядок, и спокойным, твердым голосом спросила Майкла, не собирается ли он сегодня встретиться с Владимиром.

– Нет, сестренка, сегодня я принадлежу родителям. – еще сонным голосом ответил Майкл. – Мы договорились поужинать вместе в итальянском ресторане, что недалеко от нашего дома. «Граци» называется. Хочешь, присоединяйся к нам – предложил юноша.

– Я подумаю и позвоню тебе.

Голос Дарьи утратил свою твердость и звучал встревожено. Майкл моментально уловил изменение эмоциональной окраски голоса любимой девушки и понял с чем это связано.

– Дарьюшка, – нежно произнес он, – хочешь, я приеду?

Дарья молчала, ей ничего сейчас не хотелось.

– Нет, не надо, Майкл. Спасибо тебе – тихо ответила девушка спустя несколько минут. – Я буду дома, хочу побыть с мамой и папой. В последние месяцы я практически не общалась с ними.

Попрощавшись с Майклом Дарья медленно положила трубку телефона, легла на кровать, закрыла глаза. Ей хотелось вновь позвонить Владимиру, но она боялась, что опять натолкнется на противный механический голос. Дарья была девушкой гордой и одновременно очень застенчивой. Владимир был первым молодым человеком, к которому она испытывала столь глубокие чувства.

«Нет, не буду звонить, пусть сам позвонит, ведь обещал же после обеда связаться. Буду ждать. Сейчас около часа, недолго осталось ждать» – решила Дарья и спустилась в гостиную.

В большой и уютной гостиной на диване напротив телевизора расположились Мелинда с Алексом и Эндрю с Пэм. Никто не смотрел в работающий телевизор, все были поглощены разговором, который по всей видимости, был важен для каждого. Дарья уловила только несколько слов последней фразы, произнесенной Алексом:

– И что нам делать с этим?

При виде Дарьи все замолкли и с интересом посмотрели на девушку.

– Что ты, Дарьюшка, как себя чувствуешь?! – поинтересовалась Мелинда.

– Мама, Джейн ушла? – взволнованно спросила Дарья. – Что она говорила, когда придет, куда пошла?

– Ты же знаешь Джейн, племянница – вступил в разговор Эндрю. – Она никогда не рассказывает нам о своем времяпровождении. Очень дерзкая, считает себя вправе распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению.

– Мы, к сожалению, для нее не авторитет – грустно заметила Пэм.

– Может она и не будет встречаться с твоим другом, и сказала все так, для красного словца – предположил Эндрю.

Дарья ничего не ответила и прошла на кухню. Всегда, когда она волновалась, или была не в духе, у нее просыпался зверский аппетит. Ей в голову пришла замечательная идея.

– Мама, папа давайте я приготовлю сегодня ужин и накрою здесь, в гостиной. Хочу порадовать вас и дядю с тетей. Только, чур, вы мне не мешаете и не помогаете. – крикнула девушка из кухни.

– Вот и славно, – прозвучал голос Мелинды, входящей в кухню. – А я отдохну от готовки. Ты же, доченька, знаешь где что находится, давай, твори! – весело закончила мать.

Дарья любила и умела готовить. Поэтому она с удовольствием принялась обдумывать меню на ужин, кроме того, она знала, что это поможет ей отвлечься от дурных, нехороших мыслей. К семи часам вечера стол в гостиной был накрыт. Дарья постаралась на славу. Стол ломился от блюд. Здесь была баранина в собственном соку, отварные початки молочной кукурузы, тушенный с овощами коричневый рис, припущенный в сливочном масле аспарагус, салат-цезарь, помидоры с сыром моцарелла и базиликом, приправленные оливковым маслом, маффины, чесночный хлеб.

– Приглашаю всех к столу отведать, что послал нам Бог – с игривым оттенком в грустном голосе пригласила Дарья.

Она продолжала поминутно смотреть на свой телефон, который молчал целый день. Приготовление ужина отвлекло ее немного, но по его окончанию девушка совсем измоталась. Звонить Владимиру не давала гордость, звонить сестре было противно. Неведение сдавливало Дарью, всегда искристые глаза потухли. Ужин прошел тихо и спокойно, никто не задавал девушке вопросов, общей темой разговора были планы на следующий год, обсуждали возможность совместного отдыха в Калифорнии. После ужина, не зная как отвлечь дочь от мрачных мыслей, Мелинда предложила первое, что пришло ей на ум.

– А давайте играть в лотто. Помнишь, доченька, как часто по вечерам мы играли в эту занимательную игру? Я сейчас всё достану для игры, а ты приготовь, пожалуйста, для всех нас и для себя, конечно, напитки – обратилась мать к Дарье. Девушка благодарно взглянула на Мелинду и приняла ее условия. Через 10 минут все расселись вокруг стола в гостиной.

Игра только началась, когда входная дверь открылась, и на пороге появилась Джейн в сопровождении Владимира. Оба были возбуждены. Но, если Владимир, войдя в дом, спокойно поздоровался со всеми и извинился за столь поздний визит, то Джейн вошла, не обратив внимания ни на кого, буркнув только, что очень устала и хочет спать. Когда Джейн поднялась на второй этаж и скрылась в своей комнате, Владимир подошел к Дарье.

– Извини, пожалуйста. Сегодня утром мне позвонила Джейн и предложила встретиться. Я предполагал, что встреча будет недолгой. Я помню, что обещал позвонить тебе после обеда. Не получилось, не потому что не хотел, хотел, очень хотел. Юноша волновался.

– И что же случилось? – перебила его Дарья дрожащим голосом. – Почему ты не позвонил? Скажешь, конечно, что телефон забыл зарядить, или не взял его с собой, или, еще хуже, потерял сотку.

Голос девушки звучал тихо, но каждое слово было слышно отчетливо, дрожание ушло, появилось раздражение.

– Больше всего в людях я ценю честность и порядочность, Владимир. Ты же сегодня не был ни честным, ни порядочным. Ты элементарно меня обманул. Я, как дура, просидела целый

день дома, постоянно прислушиваясь к телефону, ожидая, что позвонишь, как обещал. А ты в это время встречался с Джейн, с моей взбалмошной и легкомысленной сестрой.

Дарья замолчала, на ее глазах появились слезы и первым порывом было убежать и не видеть никого. Но Владимир ее удержал.

– Дарья, да, я виноват, я очень хорошо это осознаю. Я попросил у тебя прощение.... Хорошо, если ты считаешь, что я настолько разочаровал тебя, что ты не в состоянии простить меня, я могу уйти, чтобы не раздражать тебя далее. Юноша говорил медленно, взвешивая каждое слово, прямо глядя в глаза Дарьи. Через минуты две, которые прошли в полной тишине, Владимир продолжил, так и не дождавшись ответа:

– Я приду завтра, и мы поговорим. Хорошо, Дарья?

Потом он обернулся в сторону родителей девушки и их гостей, которые все это время тихо сидели за столом. Игра остановилась, а продолжать ее они не могли, боясь помешать молодым людям. Владимир обратился к Алексу:

– Алекс, извините, может быть я сейчас буду лезть не в свое дело. Но, понимаете, у меня из головы не выходит вчерашний просмотр вашего семейного альбома. Особенно две фотографии. У меня стойкое впечатление, что я уже видел их где-то, и ту, на которой изображена молодая девушка, и ту, на которой изображены князья Ухтомские. Более того, я уверен, что видел девушку с фотографии. Правда, я не могу вспомнить, где их видел.

– Нет, нет, Владимир, этого не может быть. Вы не могли видеть этих фотографий. – взволнованным голосом ответил Алекс. – Это очень старые фотографии, которые чудом сохранились в нашем альбоме. Таких фотографий нет даже у Эндрю, да Эндрю – обратился Алекс к брату.

Молодой человек пристально посмотрел на Дарью, в глазах появилось удивление, которое сменилось уверенностью в своей правоте.

– Тогда почему мне так знакомо лицо Дарьи, как будто я его видел задолго до нашего знакомства, видел неоднократно, правда, давно, поэтому мне сейчас трудно вспомнить, но я обязательно вспомню – буквально выпалил Владимир.

– Через два дня я уезжаю в Россию. Очень надеюсь, что у меня там будет возможность вспомнить, откуда я так хорошо знаю эти фотографии. Дарья, я прошу тебя о встрече завтра, для меня эта встреча очень важна, не отказывай мне в ней. Девушка повела плечами, молча кивнула Владимиру и ничего не говоря поднялась в свою комнату.

Всю ночь Дарья не могла заснуть. Лишь под утро ей удалось провалиться в забытые часы на три, но в семь часов девушка была уже на ногах. Она приняла прохладный душ, чтобы как-то освежиться, привела себя в порядок и около восьми спустилась в гостиную. Мелинда уже хлопотала на кухне, Алекс сидел на диване и просматривал почту. Увидев дочь, Алекс встал с дивана, поцеловал ее и сказал, что Владимир уже едет к ним.

– Дарьюшка, выслушай Владимира спокойно, пожалуйста. У них с Джейн что-то произошло. Ты заметила, как твоя сестра повела вчера после прихода? Ни на кого не взглянула, ни с кем не обмолвилась и словом, промчалась в свою комнату как ужаленная. Видимо, не так уж хорошо прошло у них свидание.

– Хорошо, папа, я постараюсь – тихо ответила Дарья.

Через минут двадцать в гостиную спустились Эндрю с Пэм, пятью минутами позже Джейн. Они были готовы к отъезду. В отличие от родителей Джейн была, что называется, как в воду опущенная. Она ни с кем не поздоровалась, на Дарью даже не посмотрела, села в кресло и устала в одну точку. Такое поведение было для нее необычным и сильно удивило Дарью.

– Джейн, что с тобой, ты не заболела?

– Что ты ко мне пристала с вопросами? Не дождешься. Нормально я себя чувствую – глядя на сестру ответила Джейн. – И что только он в тебе нашел? Ни огня в тебе нет, так, одни еле тлеющие головешки, вся такая правильная, аж противно! Голос Джейн звучал зло.

– Ты о ком говоришь, Джейн? – спокойно спросила Дарья. – Ах, да, я поняла. Папа выходит прав. Владимир не ответил на твои притязания. Жаль мне тебя, Джейн. Никак не поймешь, что наглость и распущенность не красят девушку.

– Да что б ты понимала – в сердцах грубо ответила Джейн.

Словесную перепалку между сестрами прервала Мелинда, пригласив всех к завтраку. Завтрак прошел быстро и молча. Семья Эндрю торопилась, в аэропорту они должны были быть через два часа. Буквально на пороге дома они столкнулись с Владимиром. Увидев его входящим, Джейн отпрыгнула от неожиданности, пробормотала приветствие и быстро выбежала. Поздоровавшись с хозяевами дома и одновременно попросившись с его гостями, Владимир подошел к Дарье. В руках у него был красивый букет из белых роз. Девушка приняла цветы молча.

– Дарья, завтра я уезжаю в Россию. На три месяца. Мне не хотелось бы уезжать не помирившись с тобой. – с волнением в голосе обратился Владимир к любимой девушке.

Дарья немного помолчала, а потом с нежностью в голосе ответила:

– Владимир, большое спасибо за цветы. Они так прекрасны. ... Я не обижаюсь на тебя. Поведение Джейн много мне рассказало о вашем с ней свидании.

Владимир нетерпеливо перебил девушку:

– Да, да. Когда я соглашался на встречу с Джейн, я был уверен, что она будет недолгой. Кроме того, я преследовал определенную цель. Мне казалось, что в отличие от тебя Джейн знает свою родословную, по крайней мере, при просматривании старых фотографий из вашего альбома, у меня сложилось такое впечатление. А я до сих пор нахожусь в какой-то прострации. Очень неприятное ощущение, когда знаешь, что видел, встречал людей, изображенных на фотографиях, и не можешь вспомнить где и когда это было. От этого становится жутко. Вот я и пытаюсь прояснить для себя картину.

– И что, прояснил? – перебила его Дарья.

– Нет, не совсем.

Владимир внимательно смотрел на девушку, пытаясь угадать ее настроение. Дарья вела себя очень спокойно, говорила тихо и неэмоционально.

– Джейн, к моему огорчению, всего лишь повторила то, что было сказано ранее. А потом мы прогулялись по набережной, посетили аквариум, посидели в каком-то кафе... И все! На ее уговоры пойти в ночной клуб потанцевать я ответил отказом. Владимир замолчал. Дарья не говорила ни слова. Через минуту юноша продолжил:

– Не смотря на то, что Джейн очень яркая девушка, меня она совсем не привлекает. Пойми ты, в ней нет той теплоты, душевности, чистоты, что я ценю в девушках. Ты, ты совсем другая...

Дарья продолжала молчать, уставившись в какую-то точку на ковре.

– Не беспокойся, Владимир. Я же сказала, что не обижаюсь на тебя. – произнесла наконец Дарья. – Знаешь, а ведь ты вызвал во мне интерес к прошлому моей семьи. Я ведь, действительно, ничего не знаю о моих предках ни со стороны папы, ни со стороны мамы. Мне имя – Иван, не помнящий родства.

Дарья улыбнулась своей милой, застенчивой улыбкой и обняла юношу.

К дочери и ее молодому человеку подошел Алекс. Он был свидетелем их разговора. Отец девушки не мог понять, как реагировать ему на увиденное и услышанное. Вроде бы надо радоваться за Дарью, она любима и сама любит. Но на сердце было не спокойно. Алекса волновал Владимир, так похожий на женщину, которую он хотел забыть и практически забыл. Она никогда за 20 с лишним лет не давала о себе знать. И его мучило и очень волновало еще и другое.

«Фотографии, старые семейные фотографии. Неужели Владимир, действительно, их видел?» – вдруг током прошили эти мысли голову Алекса. – «Нет, вряд ли это возможно».

Алекс помнил, как отец, передавая ему семейный альбом со старыми фотографиями князей Ухтомских, напутствовал беречь его.

– «В этом альбоме история нашего рода, сынок. Береги его. Мы последние из Ухтомских.

Мысли в голове Алекса путались, перескакивали с одной на другую, пока не выделилась отчетливо одна и настойчиво не стала сверлить мозг:

«Согласись с Владимиром, он прав, возможно, что кто-то из потомков братьев прадеда жив, надо их найти». Эта мысль была настолько сильна, что Алекс не заметил, как озвучил ее Владимиру.

Владимир выходил из дома Алекса и Мелинды далеко за полночь. Его провожало все семейство. Хозяйка дома, обняв юношу, простились с ним у дверей. Дарья проводила любимого до машины. Она не стала целовать его на прощание, а только крепко пожала руку, обняла и пожелала хорошей дороги. Потом резко повернулась и побежала к дому. Владимир сел в машину только после того, как девушка скрылась за дверью дома. Родители, наблюдавшие за дочерью из окна, были удивлены и одновременно обрадованы поведением своей любимицы. Посмотрев друг на друга, улыбнувшись друг другу, они обнялись и прошли в гостиную.

Глава 6

Прошел почти месяц, как Владимир вернулся в свой родной город. В доме ничего не изменилось за время его отсутствия. Только мать сильно сдала. Она почти не вставала с постели. Это была женщина пятидесяти семи лет. Ее лицо еще сохранило следы былой красоты. Волнистые волосы, подстриженные в стиле каре, были больше седые, чем темно-пепельные. Большие голубые глаза похожи на почти потухший костерок. В них то вспыхивали огоньки радости, связанной с приездом сына, то быстро потухали под тяжестью усталости, которую испытывала эта женщина. Некогда стройное тело, лишенное подвижности, быстро располнело. Когда-то небольшой вздернутый носик утолщился в основании и превратился в так называемый нос картошкой. На лице удивительным образом выделялись ярко-красные губы, красные не от наложенной помады, женщина давно уже не пользовалась косметикой, а красные от природы. Но и они, поджатые, с опущенными уголками, отражали страдание. Александра, так звали мать Владимира, вот уже десять лет болела тяжелой формой артрита, приковавшего ее к постели в последний год.

– Мама, ты помнишь, нашу соседку сверху, Анастасия, по-моему, ее звали? – спросил Владимир мать, подавая ей ужин.

Александра внутренне напряглась, но не подала виду. Она часто вспоминала свою соседку, с которой дружила с первых дней, как стала жить в этом старом доме, знавшем еще дореволюционные события. Анастасия поддерживала теплые отношения только с ней и больше ни с кем в этом большом доме на Измайловском проспекте. Она была очень интересной особой, которая сразу вызвала уважение у Александры, как только они столкнулись на лестничной площадке в первый же день заезда семьи Златовых в этот дом. Было в Анастасии что-то такое, что привлекало и притягивало к ней. Лицо этой женщины выглядело необыкновенным. На нем ярко-голубыми бездонными озерами выделялись глаза, обрамленные густыми черными ресницами. Тонкие черные брови подчеркивали мраморную белизну кожи. Открытый большой лоб свидетельствовал об утонченном уме его обладательницы. Небольшой нос украшал лицо, делая его миловидным. Мягкие скулы и правильной формы чуть пухлые розовые губы несколько не гармонировали со слегка выступающим большим подбородком, указывающим на упрямый, жесткий и гордый характер. Анастасия, имея довольно высокий рост, всегда держалась очень прямо. В старину про таких говорили, «как будто аршин проглотил». Она была ненамного старше Александры. Но в свои тридцать лет Александра с мужем нажили троих детей, а Анастасия жила одна. Ее первый муж прожил с ней пять лет и ушел к другой, не выдержав жесткого и надменного характера жены, тем более, что и детей у них не было. Со вторым мужем тоже не повезло. Умело скрывая свою пагубную привычку до женитьбы, он превратился в беспробудного пьяницу буквально через месяц после вступления в права законного супруга. Когда Александра познакомилась со своей соседкой, та находилась в ужасном моральном состоянии. Не было дня, чтобы муж Анастасии не приходил сильно подшофе, часто с такими же как он забулдыгами. Несколько раз он поднимал руку на Анастасию. Она промучилась с ним около года и выгнала, выбросив все вещи мужа через балкон со словами «чтоб духа твоего в моей квартире не было».

После этого в личной жизни Анастасии наступил полный штиль. Она вдруг решила, что старовата для поиска новых мужчин, а тем более для нового замужества. После личных неудач Анастасия с головой ушла в работу, защитила сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации. Часто выезжала в экспедиции, откуда возвращалась усталой, но какой-то заряженной творческой энергией. Любимым занятием ее было с лупой в руке рассматривать привезенные из экспедиций экземпляры, сравнивать, анализировать находки. Она часто выступала с результатами своих исследований на конференциях, публиковалась в научных журналах. Ана-

стасия среди своих коллег слыла самым скрупулезным исследователем. К ней многие обращались за советом с надеждой на дальнейшее развитие отношений. Но женщина для личных отношений была закрыта и никого не собиралась впускать в свой мир.

Александра, наоборот, жила открытым домом. Она и ее муж Валерий очень любили гостей. И гости любили их тоже. Дом не закрывался, практически, никогда. Из их квартиры вечно доносился шум детских голосов, по вечерам слышались музыка и пение гостей. Александра часто приглашала в гости и Анастасию, но та всегда ссылалась на свою занятость.

– А почему ты спрашиваешь, сынок? Почему вдруг вспомнил Анастасию?

– тихо спросила Александра.

– Мама, помнишь, когда ты перебирала ее вещи, то заметила старинную фотографию какой-то семьи, ты еще отметила тогда, что, наверное, непростая семья, высокородная.

Владимир внимательно посмотрел на мать. Ее голова была откинута на подушку, глаза закрыты, губы подрагивали.

– Мама, что с тобой, что-то болит? – с волнением спросил сын.

– Нет, Володюшка, все как всегда. Просто я вспомнила тот год, когда это случилось с Анастасией. А документы и ее вещи не у меня. Они хранятся у Надюши. Мне они ни к чему, а она все таки племянница, какая никакая, а родня. А откуда такой интерес к этой фотографии? – слегка взволнованным голосом спросила Александра сына.

Владимир вкратце рассказал, что видел такую же фотографию в альбоме одной американской семьи, где хозяин дома имеет русские корни. Он не стал рассказывать о Дарье, дабы не волновать мать раньше времени. То, что он Дарью любит и хочет прожить с ней жизнь, Владимир не сомневался. Но несколько прохладное прощание с ним со стороны девушки его расстроило. Владимир не мог понять, чем это вызвано, и решил все прояснить по возвращении в Америку.

– Интересно, очень интересно. Да, я, действительно, хорошо помню эту фотографию. Когда я ее увидела, то долго не могла оторвать глаза от лиц изображенных на ней людей. От них веяло каким-то благородством и чистотой. Фотография эта была старой. – голос Александры звучал с некоторым оттенком грусти и почтения.

– А что говорила про фотографию Анастасия? Откуда она у нее? Это ее родственники? – забросал вопросами мать Владимир.

Александра задумалась. Перед глазами встала Анастасия, глядящая на эту фотографию с отрешенным выражением лица, но глаза, глаза ее светились какой-то внутренней силой.

– Какие красивые лица у них – всегда говорила Анастасия Александре. – Сколько смотрю на эту фотографию, столько поражаюсь и люблюсь ими.

Она почему-то избегала вопросов, настойчиво задаваемых подругой, об истории этой фотографии, о людях, изображенных на ней.

– Что ты ко мне пристаешь, – сердилась Анастасия – не могу, ну не могу я тебе рассказать, кто они, не моя это история.

– Мама..., мама, так ты расскажешь мне об этой фотографии, что ты знаешь о ней? – перебил воспоминания Александры Владимир.

– Нет, сынок, ничего не скажу. Анастасия так и не поделилась со мной. Она предпочитала отмалчиваться. Знаешь что, позвони Алене. Она дружит с Надей и знает как ее найти. Все документы, фотографии и вещи, я тебе уже говорила, находятся у Надежды и, надеюсь, она что-нибудь знает.

Накормив мать, Владимир уселся около телефона и стал набирать номер Алены.

– Мама, кстати, давай соберем всех к нам в гости – неожиданно предложил юноша – Позовем Алену с мужем, Татьяну. А то я со своими сестрами толком еще не общался, так, только по телефону разговаривали. Сейчас набираю номер Алены и вдруг ясно понял, что

очень соскучился по ней, по Тане. Никто не отвечает. Мама, ну что, принимается мое предложение?.

Владимир посмотрел на мать, лежащую на кровати и радостно улыбающуюся.

– Конечно, сынок, конечно. Я так рада, Татьяна ко мне недавно приходила, а вот Алена что-то давно не заглядывала.

Через несколько минут Владимир снова набрал номер Алены. На этот раз на другом конце провода ответил усталый молодой женский голос:

– Да, я слушаю вас.

Это была Алена, старшая сестра Владимира. Владимир договорился с ней о встрече через час и заодно пригласил в гости в ближайшую субботу.

Алене было уже за тридцать., а точнее тридцать четыре года. Она бы матерью двух чудных малышей, женой мужчины, обожавшего ее с первого курса университета, в котором они учились вместе, и прекрасным журналистом. Ее ценили на работе и восхищались умением доставать нужную, порой секретную информацию. Работа забирала много сил, энергии, и к концу дня Алена чувствовала себя выжитым лимоном. Когда позвонил Владимир, она только успела присесть на диван и вытянуть ноги, натруженные за день. Алена любила своего младшего и единственного брата и с нетерпением стала ждать встречи. Буквально через пятнадцать минут на небольшом круглом столе в гостиной, накрытом белой вышитой скатертью, появились тарелки с любимым всеми салатом Оливье, нарезанными свежими помидорами, огурцами и сладким перцем, селедочкой под луковым маринадом и отварным картофелем. Алена достала бутылку красного сухого вина, поставила винные бокалы, три прибора, тарелки и села в кресло, взяла телефон и набрала номер мужа.

– Сережа, купи, пожалуйста, курицу-гриль – попросила Алена мужа. – Нет сил что-нибудь готовить, вымоталась на работе. Слава Богу, салат Оливье со вчерашнего вечера остался и другая закуска. Девчонок забрал из садика?... Ну, хорошо, жду вас.

Владимир приехал минут через сорок. У дверей его встречала вся семья сестры. После бурных эмоциональных восторгов, объятий и поцелуев все прошли в гостиную. Взрослые сели за стол, дети пошли в свою комнату, где их ждали игрушки.

Утолив голод и выпив за приезд Владимира, Алена спросила его:

– Вовчик, что случилось? Ты весь как на иголках сидишь. Знаю я твою эту привычку ерзать на стуле, когда тебя что-то интересует.

Брат улыбнулся, ему нравилось, когда сестра называла его Вовчиком.

– Ты права, Алена. Помнишь нашу соседку Анастасию с верхнего этажа?

– Конечно. Жаль мне ее. Жизнь у нее несчастливая какая-то была. Правда, под конец ей повезло. Она встретила стоящего мужчину и даже забеременела от него. Вроде все стало налаживаться у бедной женщины. И тут такое!

Алена замолчала.

– Мама сказала, что она все вещи Анастасии отдала ее племяннице Надежде. Ты ее знаешь? – с волнением в голосе спросил Владимир.

– Знаю?.. Не только знаю, она моя лучшая подруга. Мы учились вместе в институте. А что, ты хочешь с ней познакомиться? Она для тебя старовата, брат. – с улыбкой ответила Алена. И продолжила:

– Я сейчас позвоню ей, чтобы пришла к нам, вот и посидим вместе, поговорим. Завтра выходные, можем устроить посиделки хоть до утра. Боже, как я по тебе соскучилась, Вовчик. Надеюсь ты останешься у нас ночевать?

В ожидании Надежды все трое сели на диван и стали рассматривать фотографии, которые Алена достала из шкафа.

– Это наши последние фотографии. Смотри, это Надежда, мы с ней фотографировались в день ее рождения.

На юношу смотрела девушка немного младше Алены. Красивые русые волосы были уложены вокруг головы словно венок, большие голубые глаза искрились озорством, небольшой прямой нос и тонкие красные губы подчеркивали незаурядность внешности девушки. Вглядевшись внимательней в фотографию, Владимир увидел на груди Надежды колье, которое показалось ему знакомым. В дверь позвонили.

– Владимир, знакомься, это Надя. Надя, это мой брат Владимир. Он хочет с тобой поговорить. – представила Алена обоим своих гостей друг другу.

Девушка выглядела совсем по другому, нежели на фотографии. Простоволосая, без особого макияжа Надя не выглядела той нарядной и яркой девушкой, что видел только что Владимир на фотографии. Тем не менее, подруга Алены обладала каким-то магнетизмом, что притягивало к ней и без внешнего антуража.

Владимир в общих чертах рассказал Наде и Алене о семье, с которой познакомился в Америке и фотографиях, обнаруженных в их фотоальбоме.

– Какая, говоришь, фотография тебя интересует? – низким голосом спросила Надежда. – От тети мне достался целый альбом и некоторые ее ценности. Думаю, что тебе следует придти ко мне в гости. Хочешь, поедem сейчас. Я живу недалеко, в паре кварталов отсюда, пешком минут двадцать займет.

– Не знаю, удобно ли на ночь глядя – замешкался юноша и посмотрел на свою сестру.

Алена отвела глаза и отошла, давая знать, что это её не интересует. Владимир после некоторого раздумья все-таки отказался, сославшись на позднее время.

– Ну, да ладно, на нет и суда нет. Пора мне идти, а то поздно уже. – медленно произнесла Надя, вставая с дивана. – Задал ты мне задачу, Володя. Придется утро посвятить разборкам тетюшкиных вещей, благо я положила их, по-моему, в старый сундук, доставшийся мне по наследству от нее же. Ладно, жду вас всех часам к трем, отобедаем у меня чем Бог пошлет, и займемся разборками тетюшкиного наследства. Лады?

На том и постановили.

Владимир встал около восьми часов. Первым делом позвонил матери. Справившись о ее самочувствии, спросил, пришла ли Любаша. Любаша была приходящей сиделкой матери вот уже около семи месяцев, как только не стало Валерия. Муж Александры ушел из жизни внезапно, отказали почки. После его смерти Александре стало гораздо хуже и она почти перестала двигаться. Вот тогда у детей и появилась мысль пригласить сиделку к матери, которая к тому же выполняла и функции домработницы. Убедившись, что все хорошо и есть кому позаботиться о матери, Владимир предупредил ее, что придет после семи часов вечера.

Алена уже хлопотала возле плиты, готовя завтрак. Сергей принимал душ, дети еще спали. Увидев брата, Алена улыбнулась, пожелала доброго утра и как бы невзначай спросила:

– Ну что, пойдem на обед к Наде? Только смотри, не попади на ее удочку. Она мягко стелет, да спать жестко.

– Алена, Алена, ты ко мне относишься как к маленькому мальчику. А я уже вырос. Посмотри какой большой, выше тебя почти на голову – с улыбкой ответил Владимир. – А если серьезно, то она меня как женщина не интересует. Я уже встретил свою единственную и неповторимую. Только не спрашивай, кто она и откуда. Придет время, сам расскажу.

– Что и маме не рассказал? Неужели не поделился с ней о своей девушке? У тебя же от нее никогда никаких секретов не было! – удивилась сестра.

– А вот представь себе, маме ничего не сказал, боялся расстроить. Ты же знаешь, как она относится к американцам и вообще к Америке. Помнишь, как она кричала, что не пустит меня туда ни под каким предлогом, что эта страна отнимает у нее дорогих ей людей? – обратился с вопросом Владимир к Алене.

– Да, я до сих пор не могу понять этих ее слов. Ладно, ты уехал, но на время, и она это хорошо знала. Почему было сказано во множественном числе и почему так безнадежно – отнимает? – тихо, но внятно и с какой-то горечью ответила брату сестра.

Три часа по полудни в квартире Надежды раздался звонок. Семья Алены и ее брат Владимир топтались перед дверью в ожидании ее открытия. Прошло минуты три прежде, чем хозяйка квартиры наконец-то распахнула двери.

– Что ты так долго, мы же совсем голодные. А запах, запах... Что готовишь? – затараторила Алена.

В гостиной стол уже был накрыт к приходу гостей, оставалось поставить только блюдо с запеченной в тесте бараньей грудинкой, которую Надя вынимала из духовки, когда гости позвонили в дверь.

– Да, умеют наши русские женщины стол накрыть и приготовить вкуснятину такую, что язык проглотишь – с удовлетворением заметил Владимир, заканчивая обед. – Спасибо большое, хозяйка. А теперь самое главное. Надя, ты нашла фотографии и другие вещи, принадлежащие твоей тете Анастасии? – с оттенком нетерпения в голосе спросил юноша Надежду.

– Может чаю или кофе сначала выпьем. Я купила замечательные эклеры. Самой приготовить что-то на сладкое время не хватило. – продолжала играть роль хорошей хозяйки Надежда.

– Да, Надюха, не ожидала от тебя такой ретивой хозяйской прыти. На тебя это не похоже. Ты же терпеть не можешь готовить. Или я что-то не знаю? – тихо проговорила Алена на ухо своей подруге.

Надежда только кивнула и прошла на кухню готовить чай.

Через минут двадцать все расположились на уютном диване вокруг небольшого журнального столика. На нем уже лежали большой старый фотоальбом и круглая старинная шкатулка, интурированная слоновой костью.

– Вот это и есть основное тетушкино наследство – с грустью произнесла Надежда, положив одну руку на шкатулку, другую на альбом. – Анастасия берегла эти реликвии, говорила, что это все, что осталось ей от ее матери.

Владимир с трепетом взял старинный фотоальбом в кожаном переплете. Он хотел поскорей открыть первые страницы альбома, но одновременно юноша боялся быть невольным свидетелем жизни незнакомых людей, статично запечатленной на фотографиях.

Прошла минута прежде, чем Владимир открыл альбом. Интересующая его фотография была первой. Под ней был приклеен пожелтевший тетрадный листок с еле видимой записью. Долго всматриваясь в запись, сделанную выцветшими от времени фиолетовыми чернилами, Владимир, наконец-то, прочитал: «На Лизиной свадьбе. 1912 год.». Он смотрел широко открытыми глазами на эту знакомую и одновременно незнакомую фотографию.

«Выходит, Анастасия, Эндрю и Алекс родственники!» – сделал вывод Владимир. «Нет, постой, не спеши» – сам себе сказал юноша, вспоминая слова матери о том, что Анастасия никогда не рассказывала о людях, изображенных на фотографии.

– Надя, ты сказала, что Анастасия твоя тетка – обратился Владимир к хозяйке.

– Ну как тебе сказать. Моя мать и Анастасия всю жизнь дружили. Знаешь, у них были очень теплые и искренние отношения, я не помню, чтобы они ругались между собой. Моя мама и тетя Анастасия, наверное, были больше, чем сестры, они были самыми близкими друг другу людьми. Я всегда ее считала своей тетей. – ответила Надежда, глядя на фотографию.

На следующих страницах альбома находились фотографии незнакомых людей. Но одна фотография, на которой была изображена молодая женщина, одетая в белую блузку и черный сарафан, по моде семидесятых годов двадцатого столетия, привлекла внимание молодого человека. Женщина, изображенная на ней, показалась Владимиру до боли знакомой.

– Кто это? – с дрожью в голосе обратился с вопросом Владимир к Надежде. Девушка взяла фотографию, долго всматривалась в нее, посмотрела на обороте, там не было никаких записей. Наконец она неуверенно произнесла:

– По-моему, это и есть Анастасия.

– А какая у нее фамилия? – взволнованно спросил юноша хозяйку квартиры.

– У нее какая-то странная фамилия была, то ли Хулева, то ли Холева.

– Интересно! – Владимир задумался. – А ты не знаешь, обратился он к Надежде, это ее родная фамилия или по мужу?

Тут в разговор вмешалась Алена:

– Ну ты задолбал уже Надюху своими вопросами. Какая разница, какая у нее фамилия? Вообще, не пойму, что за расследование ты затеял. Кому это надо? Знакомым твоим американцам? Столько лет они не интересовались прошлым своей семьи, значит им это не надо. Тебе то это зачем?

Юноша встал с дивана, прошелся по комнате, остановился напротив сестры и посмотрел на нее долгим взглядом, как бы стараясь передать ей свои мысли.

– Алена, а ты хорошо знаешь семью Сергея, твоего мужа? – с неожиданным вопросом обратился он к молодой женщине.

– Ну-ка, ну-ка, что ты ответишь своему брату – спросил Сергей, подходя к жене.

– Глупый вопрос! Конечно, знаю и своего мужа и его братьев, и родителей. Знаю, чем они занимаются, даже о чем мечтают. У меня хорошие отношения с родней мужа – она с любовью посмотрела на Сергея и подмигнула ему.

– Вот, видишь! А почему я должен быть в неведении в отношении семьи моей будущей жены? Мне тоже хочется знать все о ее родных до седьмого колена. – с улыбкой ответил Владимир.

– Хорошо, давай начнем с фамилии твоей девушки – предложила Алена, с хитрецей поглядывая на брата – Хоть сейчас приоткроется завеса тайны твоего сердечного увлечения, братец.

– Фамилия Дарьи – Томи, и она потомок знаменитого рода князей Ухтомских – не без внутренней гордости произнес Владимир. – Я пообещал ее отцу попробовать хоть что-то разузнать о братьях его прадедушки, оставшихся в революционной России. А также попробовать найти потомков этих братьев, если они были. И я выполню свое обещание. А тебя, Алена, и тебя, Надя, прошу помочь мне в этом. Вы журналисты и можете использовать свои профессиональные возможности для получения документов из архивов и других источников. Ну как? – обратился юноша к сестре и ее подруге с надеждой в голосе.

Дней через десять Владимира разбудил резкий звук телефонного звонка. Взволнованный голос сестры сообщил, что минут через сорок она будет у него.

– Приготовь мне кофе, пожалуйста, Вовчик. А я покормлю тебя интересной информацией. И спроси у мамы или лучше у Любаши, может что захватить в магазине надо из продуктов.

Алена приехала почти через час нагруженная целлофановыми пакетами с продуктами и тяжелой черной сумкой, в которой обычно носят ноутбуки. Ноутбук в сумке не было. Вместо него молодая женщина вытащила две толстых папки с бумагами.

– Вот тебе, братец, документы, которые мы с Надеждой можно сказать зубами выдирали из известных тебе органов. Пришлось пойти на служебное преступление. Но, думаю, что я все-таки из этих документов сварганю статью о поломанных большевистским режимом судьбах.

– Пройдем в кухню, поговорим, пока мама спит – предложил Владимир.

– Ну, рассказывай, – с нетерпением попросил брат сестру, когда был налит свежесваренный кофе в чашки.

Алена посмотрела на брата пристально и через несколько минут произнесла тихим и дрожащим от волнения голосом:

– Посмотрела я документы... Страшная судьба, как будто рок какой-то стоял над семьей Ухтомских. Судя по документам никого не осталось, или расстреляны, или умерли по разным причинам...

Она замолчала. Владимир тоже молчал, вернее, он не знал, что сказать. Минуты через три сестра сказала брату:

– Посмотри внимательно документы, изучи их, может я что-то упустила и есть где-то зацепка, кто-то может быть выжил. Не могу представить. Была большая крепкая семья, счастливая, и ее нет, никого нет, Это страшно...

– Спасибо тебе, Алена. И передай благодарность Надежде. – медленно произнес Владимир вдруг ставшим бесцветным, глухим голосом.

– Я сегодня же сяду за изучение этих документов. Это для меня уже не только исполнение обещания, но нечто большее. Понять прошлое – значит увидеть будущее.

Когда ушла Алена, Владимир, убедившись, что мать ни в чем не нуждается, сел за изучение документов. Он взял первую папку, на которой было написано рукой Алены «Алексей Николаевич Ухтомский», посмотрел на вторую папку, на ней рукой Алены аккуратно было выведено «Леонид Николаевич Ухтомский».

«Вот здесь, в этих папках запротоколирована жизнь по крайней мере двух семей,» – подумал юноша. – «Страшно, страшно открывать их, не то, что читать эти мертвые буквы, сложенные в мертвые слова, за которыми стоят судьбы представителей одной некогда сильной, могущественной семьи.»

Владимир как-то незаметно для себя углубился в чтение казенных слов, изображенных на аккуратно сложенных листах. Это были копии листков допросов, показаний соседей, сослуживцев и просто знакомых, справок с мест работы, жительства, мест заключения... Во время чтения этих документов юноша часто тянулся к сигарете, подносил ее ко рту, а потом выбрасывал ее скомкав, так и не закурив. Несколько раз Владимир соскакивал со стула и начинал быстро ходить по комнате, сжимая руками голову. Потом вновь садился за стол и продолжал читать дальше. Далеко за полночь, когда голова раскалывалась от ужасов прочитанного, а глаза слезились то ли от усталости, то ли от сопереживания некогда жившим, радовавшимся жизни, любимым и любящим людям, попавшим в жернова жестокой, никого не чадящей машины, называемой ныне сталинскими репрессиями, Владимир закрыл первую папку документов. Он сидел не шелохнувшись, глаза закрыты, руки сжаты в кулаки, тело напряжено. Казалось, что юноша сейчас вскочит и ринется в рукопашную. Но с кем? Кому он может предъявить претензии по поводу исчезнувшей семьи Алексея Ухтомского, как тому свидетельствовали только что прочитанные документы.

Владимир подошел к окну. Пушистые редкие снежинки плавно кружились за стеклом, звезды начинали блекнуть под влиянием редющей темноты ночи, сдающей свои права наступающему дню. За окном рождался новый январский день 2006 года. «Интересно, – подумал юноша – князя Ухтомские реабилитированы? В документах ничего об этом нет. Подожди, подожди... Да, это может быть хорошей зацепкой.» – в голове у Владимира мысли пронеслись одна за другой. «Надо составить план, не хвататься за всякие сумасбродные идеи. Итак, сейчас спать. Завтра день посвятить изучению документов из второй папки. А там, в зависимости от того, что я узнаю из документов, буду действовать. Надо будет проверить все адреса, указанные в этих папках. Может быть, кто-то еще помнит эту фамилию. И надо, надо обратиться в Российское Дворянское собрание с запросом. Может быть, кто-то подавал заявку на членство от семьи Ухтомских» – лихорадочно рассуждал юноша.

Глава 6

Поезд медленно подъезжал к Ленинграду. В купейном вагоне сидел мужчина в парусиновых светлых брюках и такого же цвета рубашке с короткими рукавами. На вид ему было немногим меньше сорока. Он с интересом смотрел в окно и молчал. В купе было душно, окна не открывались. Лето 1925 года выдалось на редкость сухим и жарким. Через некоторое время Алексей, так звали пассажира поезда Ленинград – Москва, перевел свой взгляд на двух девушек, что сидели напротив него. Одна из них была почти вдвое старше другой. Они подсели в его купе на последней остановке.

– Давайте знакомиться, милые барышни. – обратился к ним Алексей.

– Меня зовут Алексей Николаевич Ухтомский, можно просто, Алексей. А Вас как? – обратился он к старшей девушке.

Та зарделась, откинула красивую головку, обвитую тугой русой косой, и произнесла:

– Я Полина Хулева, мою сестру зовут Софией.

Алексей внимательно смотрел на девушек. Та, что постарше ему очень понравилась. От нее веяло какой-то спокойной уверенностью в себе и внутренней силой. Она не была уж очень хорошенькой, но высокий лоб, венчик из густых русых волос, что обвивал ее головку, небольшой с горбинкой носик и пухлые розовые губы привлекали внимание. Сестра Полины, Софья, была еще совсем девчонкой на вид 11–13 лет. Она сидела спокойно, но глаза, большие синие глаза неотрывно смотрели на Алексея. И тому показалось что-то знакомое в образе этой девочки. Почему-то вспомнилась сестра Лизонька, которую Алексей не видел со дня ее свадьбы.

«Как она, где, жива ли?» – пронеслись в голове вопросы.

Его глаза вдруг потухли, взгляд ушел во внутрь, казалось, он стал безучастным к своим попутчикам.

Девушки смотрели на сидящего перед ними мужчину с неподдельным интересом. Для Полины, которой было уже двадцать пять лет, но которая еще не познала любовь, новое нарастающее в глубине ее существа чувство сладострастия, перемешанное с чувством почтения и уважения, вызываемое сидящим напротив зрелым мужчиной, было ново и неожиданно. Она не могла ничего поделать с собой, не хватало сил отвести взгляд от мужественного лица Алексея, его бездонных голубых глаз, красивых чувственных губ. Ей хотелось запустить свою руку в начинающую сесть, но все еще прекрасную густую русую шевелюру нового знакомого и прижать его голову к себе. Алексей почувствовал горячий взгляд девушки. Он встряхнул свою голову, как бы освобождаясь от нахлынувших на него мыслей, и посмотрел на Полину внимательно и серьезно. Невидимые нити взаимной симпатии притягивали их. Казалось, для них уже никто не существовал не только рядом, но и во всем мире. Мужчина и девушка не могли оторвать глаз друг от друга. Их взгляды были красноречивее слов.

Затянувшуюся паузу прервала Софья. Девочка сидела тихо и наблюдала за зарождающейся любовью. Она испытывала при этом весьма противоречивые чувства. Софья любила сестру. Она догадывалась о том, что творится в душе у Полины и рада была за нее. Однако внешняя детскость скрывала страстную натуру молодой девушки. Софья обратила внимание на статную фигуру Алексея, благородную внешность мужчины сразу, как только вошла в купе. Широко открытыми глазами смотрела она на Алексея, надеясь, что он обратит на нее внимание. Однако, этого не произошло, Алексей был поглощен Полиной, а Полина им. Софьи для них не существовало. Это задело молодую девушку, и она громко и внятно сказала первое, что пришло ей на ум:

– Полина, я хочу есть. Мы можем хоть чем-нибудь перекусить?. При этом Софья выразительно дернула Полину за рукав.

– Да-да. Сейчас, Софьюшка. Я купила перед отъездом немного хлеба. Возьми там, в сумке, пожалуйста – виновато ответила Полина.

Ей стало неудобно за столь откровенное проявление чувств. Извинившись перед Алексеем, девушка стала выкладывать из свертка несколько кусков хлеба.

– Барышни, не беспокойтесь и не суетитесь. Я человек запасливый. – вмешался Алексей, выкладывая на небольшой купейный столик свертки с вареной курицей, хлебом, помидорами и огурцами. – Пожалуйста, угощайтесь, не стесняйтесь. Полина начала бормотать слова извинения и благодарности одновременно, щеки ее разругались от стеснения и неудобства, которое она испытывала от внимания со стороны Алексея. Ей это было и приятно, и необычно. Полина просто не знала как себя вести. На выручку пришла Софья. Она без стеснения взяла кусок курицы, положила его на хлеб, сверху положила ломтик помидора и завершила этот своеобразный бутерброд ломтиком огурца. Девушки не ели почти целый день, поэтому Софья решила, что голод, действительно, не тетка и ждать не будет.

– Вкуснотища какая! – с удовлетворением заметила девочка. – Поля, бери, ешь, а то опять упадешь в обморок, как два дня назад.

Алексей тут же внимательно посмотрел на Полину и корректно, чтобы не задеть гордость девушки, стал выяснять цель их поездки в Ленинград, есть ли у них жилье или место, где они собираются остановиться. Услышанное поразило мужчину.

Сестры ехали в Ленинград, что называется «на авось». Ни жилья, ни знакомых и, конечно, ни родных в этом городе у них не было. Решение поехать в Ленинград приняла Полина. Она надеялась найти здесь работу. Вот в принципе и все, что Алексей смог выудить у девушки. Сестры не были особенно разговорчивыми. У мужчины сложилось впечатление, что они чего-то боялись, что-то не договаривали. Тем не менее, по манере строить предложения и выражать свою мысль, по тому, как девушки держались – спокойно, с достоинством – Алексей проникся к девушкам доверием. И, кроме того, ему уж очень не хотелось расставаться с Полиной. Поэтому, когда поезд прибыл в Ленинград, он пригласил сестер пожить у него.

– Я человек, не обремененный семьей. Квартира у меня небольшая, но места хватит, вы будете жить в одной комнате, я в другой. К тому же я практически не бываю дома, прихожу только переночевать. – с надеждой на согласие девушек произнес мужчина.

Младшая из сестер обрадовано улыбнулась и завертелась вокруг Полины, умоляя ее согласиться. Старшая сестра стояла в недоумении, ей казалось неправильным останавливаться в квартире незнакомого мужчины, но его притягательная сила была настолько велика, что Полина раздумывала недолго и ответила утвердительно.

– Спасибо большое, Алексей. вас нам сам Бог послал. Правильно говорится, что мир не без добрых людей. Однако, вы ведь нас совсем не знаете и, кроме того, нам нечем будет вам платить за квартиру. Я без работы, Софья должна учиться. Да и сбережений у нас нет, все, что было, мы потратили на дорогу и продукты. Полина с благодарностью и нежностью смотрела на своего добродетеля.

– Да, что вы, какие пустяки. Денег с вас я никогда не возьму, я не наживаюсь на бедах других. Мое происхождение и мои взгляды на жизнь не допускают этого. Что касается, знаю ли я вас достаточно хорошо, чтобы пускать в квартиру... Бывает, что живешь с человеком не один десяток лет, но так толком его и не узнал. Сидит в нем такая червоточина, которая проявляется не сразу, а постепенно, каждый раз удивляя и разочаровывая. Вы же, как открытая книга, и то, что я успел прочитать мне понравилось. Извините за банальность, Полина. И никаких отговорок. Сейчас поймаю извозчика и поедем ко мне на Измайловскую.

Прошло время. Алексей редко бывал дома. Он преподавал в Горном институте и занимался изучением полиметаллических месторождений Горного Алтая. Работа забирала у него все время. Если не был в командировках, то засиживался до глубокой ночи в своей лаборатории. Полина и Софья жили у него. Сестры превратили его холостяцкое жилье в уютную

квартиру, в которой чувствовалась не просто женская рука, а присутствие любящей женщины. Действительно, вспыхнувшая еще в поезде искра любви и уважения к Алексею, разгоралась в сердце и душе Полины с невероятной мощностью. Полина с нетерпением ждала возвращения своего любимого мужчины каждый вечер. Но при этом, если сердце стремилось к Алексею, то разум исподволь, тихо, но настойчиво напоминал и о разнице в возрасте, и о разнице в положении, и о том, что со стороны мужчины это скорее всего не любовь, а своего рода жалость. Полине некому было рассказать о своем чувстве, не у кого спросить совета, как поступить в ее ситуации. Софья была, по ее мнению, еще достаточно маленькой, да и не хотела она посвящать сестру в свои душевные тайны. Полина часто думала о своей матери, которая ушла из жизни, когда ей было десять лет. Она помнила, как за несколько дней до смерти мама позвала ее и сказала:

– Полюшка, я скоро умру. Запомни, ты всегда при любой трудности можешь обратиться к князю. Он тебе поможет, должен помочь.

Тут мать закашлялась, из горла стала просачиваться кровь, лицо побледнело, она беспомощно стала хватать воздух ртом и впала в забытие. Так бедная женщина пролежала дня два и тихо ушла из жизни, успев только перед самым концом произнести: «Он, он...»

Полина росла без отца. Ее мать происходила из обедневшего дворянского рода и жила у князя на правах дальней родственницы. Сколько себя помнила Полина, они всегда жили в дальних комнатах большого княжеского дома. Мама помогала князю вести хозяйство. Полина росла без отца, но как-то этого не замечала. Князь долго не женился, а детей он любил. Поэтому Полина росла под его присмотром. Он нанимал для нее даже учителей, что позволило девушке получить неплохое домашнее образование. После смерти матери Полина продолжала жить в тех же двух комнатах большого княжеского дома, которые она занимала вместе с мамой.

– Ох, как мне хотелось бы поговорить с тобой, матушка. Спросить твоего совета, получить от тебя напутствие. – голос Полины звучал тихо, грустные глаза были устремлены на маленькую фотографию матери, что стояла на столике у кровати девушки.

Было поздно. Алексей должен был вернуться из поездки на Алтай. Софья уже спала и видела, наверное, не первый сон. Полина любила смотреть на спящую сестру. Вот и сейчас девушка села на край дивана, на котором спала Софьюшка, и с любовью, нежно стала гладить ее руку, приговаривая:

– Ничего, ничего. Все будет хорошо. Мы с тобой много пережили. Бог не допустит, чтобы мы пропали в этом жестоком мире. Встреча с Алексеем не случайна. Он послан нам как вознаграждение за все испытания.

Глаза Полины заблестели от слез, которые сами собой вдруг потекли по ее нежным щекам прерывающейся тонкой струйкой.

– Алексей, Алеша, Алешенька, – повторяла девушка имя своего неожиданного возлюбленного.

«Что же мне делать? Я вся измучилась. Вижу, что я ему не безразлична? Вижу огонь в его глазах, когда он смотрит на меня. Чувствую его желание быть вместе со мной... Он, конечно, очень добр ко мне и Софье... Без него мы пропали бы в этом городе. Алеша не только дал нам свой кров, он делится с нами куском хлеба, заработанного им же. Мы ему очень благодарны... Но так продолжаться не может. Надо объясниться с ним. ...» – мысли Полины были прерваны стуком в дверь.

Это был условный стук, о котором они договаривались с хозяином квартиры. Полина машинально поправила свою нехитрую прическу, одернула старенькое, но чистое платье из трикотажа, которое она приобрела чисто случайно год назад у одной старушки, и подошла к двери. Перед тем как открыть дверь, девушка посмотрела в овальное зеркало, что висело в прихожей и улыбнулась. Алексей вошел в квартиру с небольшим чемоданом из коричневой кожи. В левой руке у него был зажат букетик ромашек. Прежде чем раздеться, мужчина, поздно-

ровавшись, протянул незатейливый букетик девушке, улыбнулся и, осмелев, притянул Полину к себе. Она не сопротивлялась.

– Я скучал, я очень скучал по тебе, моя хорошая. – голос Алексея звучал тихо и нежно.

Полина, не ожидавшая такого внезапного проявления чувств, оробела, и даже немного отшатнулась от возлюбленного, хотя так мечтала оказаться в его объятиях. Мужчина недоуменно на нее посмотрел, но тут же ощутил, как руки девушки трепетно обняли его голову и слегка влажные, теплые губы стали покрывать поцелуями лицо его. А потом эти же губы зашептали:

– Любимый мой, самый-самый хороший, самый-самый нежный, солнышко мое ненаглядное. Как долго я ждала тебя, не смея заговорить о своей любви...

Эту ночь они провели вместе. Она была фантастической. Полина купалась в любви. Застенчивость девушки, ее робость и естественный страх перед первой ночью с мужчиной были уничтожены нежностью и деликатностью Алексея. Им было хорошо, очень хорошо вдвоем. Их губы, если не были заняты страстными поцелуями, шептали слова любви друг другу. Их руки обнимали и ласкали разгоряченные тела друг друга. В любовных ласках они не заметили как темнота ночи ушла и наступил рассвет нового дня.

– Завтра, нет уже сегодня я познакомлю тебя со своим братом и его семьей. Я люблю тебя и предлагаю тебе свое сердце и руку. Будь моей женой. – Алексей серьезно и с надеждой в глазах обратился к Полине.

Девушка закрыла лицо руками, и вдруг ее плечи затряслись, раздался тихий стон плача.

– Что, что случилось? Я сказал что-то не то? Почему ты плачешь? – мужчина обнял девушку и стал в порыве страсти и нежности целовать Полину в мокрые от слез глаза, в губы, подергивающиеся в плаче. – Ну что с тобой, Полина? Я тебя обидел?

– Господи, Алексей, ты не представляешь, что значат для меня твои слова. Я люблю тебя с первой минуты, как только увидела. С каждым днем моя любовь становилась все ярче и глубже. Сегодня, я поняла, что не могу жить без тебя. Я так ждала твоего возвращения. И ты меня услышал, ты меня понял. Я сейчас уверена, что мы не просто созданы друг для друга, мы – одно целое. Да, я хочу быть всегда рядом с тобой, дышать с тобой одним воздухом, быть твоей женой, любовницей, подругой. Полина говорила эти слова на одном дыхании, глядя прямо Алексею в глаза.

Алексей не мог оторвать взгляда от ее прекрасных глаз, раскрасневшегося от волнения лица. Он обнял Полину нежно и страстно одновременно. Она не сопротивлялась. Их ночь любви продолжилась, но уже под покрывалом нарождающегося дня.

Вдруг Полина вскрикнула, как будто что-то вспомнила.

– Алексей, а что с Софьей? Она ведь будет жить с нами, правда?

– Глупенькая ты моя Полинushка. Ну конечно же. Софья твоя сестра, она станет и моей сестрой.

Алексей вдруг замолчал. Лицо его помрачнело. Он встал с постели, молча подошел к столу. Взял сигарету, собираясь закурить. Потом положил ее обратно. Подошел к окну. Легкое зарево окрасило окна дома, что стоял напротив. Начинался новый день. В окнах напротив зашевелилась жизнь. Дворники всю работу метлами, убирали успевшие опасть за ночь листья. Позднее лето готовилось передать свои права ранней осени. Деревья стояли в разноцветном убранстве листьев, которые медленно отрывались от своего пристанища на дереве и плавно кружась падали на еще теплую землю. Взгляд Алексея остановился на одном из них, небольшом желто-красном листике, таком беззащитном и одиноком. Он вспомнил Лизоньку, свою сестру, о которой ничего не знал вот уже около 10 лет. Она не писала, да, если бы и писала, вряд ли бы дошли до него или брата ее письма. Адрес их изменился, да и усадьба князя, насколько слышал Алексей, была разграблена и сожжена. Глаза Алексея были задумчивы, лицо перекошено страданием.

– Что с тобой, Алеша – как бы издали услышал мужчина голос Полины. Он отвернулся от окна, подошел к девушке, обнял ее:

– Ничего, моя любимая. Все у нас будет хорошо.

Потом крепко, но нежно поцеловал свою возлюбленную и предложил идти позавтракать.

– Да и Софью надо проведать. Как она там одна без тебя в комнате спала.

Софья, свернувшись калачиком, спала на своем диванчике в комнате девушек. Полина решила ее не будить. Около 9 часов утра, когда Алексей и Полина, закончив свой немудреный завтрак из яичницы и хлеба, запив его горячим чаем, собирались встать из-за стола, дверь в кухню открылась и показалась лохматая голова Софьи.

– Доброе утро, Алексей! Вы приехали? Как я рада.

Потом смутившись, Софья поправилась:

– Мы рады – и посмотрела на Полину.

Та вся светилась каким внутренним мягким и уютным огнем.

– Полина, что с тобой? Ты совсем другая, нежели была вчера. Что изменилось? – спросила младшая сестра.

– Все изменилось, все у нас теперь будет по-другому, Софьюшка. Правда Алеша – тихо и с надеждой в голосе обращаясь к любимому сказала девушка.

Софья догадалась, что между Полиной и Алексеем произошло нечто, что сблизило их, сделало одним неразрывным целым. Она улыбнулась, глаза ее зажглись озорным огоньком и она запела:

– Тили-тили-тесто, жених и невеста! Я права?

– Ну перестань, не будь ребенком... – покраснев до самых корней волос крикнула старшая сестра.

Но младшая ее уже не слышала. Софья резко повернулась и стремглав бросилась в свою комнату. Через минуту из комнаты послышалось движение, как будто двигали мебель, потом раздался шум падающих предметов и топот ног. Оба влюбленных бросились вслед за Софьей. Девочка стояла посреди комнаты. В руках она держала томик Пушкина и внимательно его разглядывала. Вокруг нее валялись стулья, кровать и диван были сдвинуты со своих мест, стол готов был завалиться на бок, на полу валялись книги. Софья стояла и не двигалась, ее застывший взгляд был направлен на томик стихов Пушкина, но его она не видела. Щеки горели, руки тряслись, ее била нервная дрожь. Полина подбежала к сестре, обняла ее, чтобы успокоить. Но девочка оттолкнула Полину и с гримасой страдания на лице закричала:

– Уйди, уйди! Не хочу тебя видеть!

Затем она медленно повалилась на свой диван и зарыдала.

– Да что с тобой, Софьюшка?. Никогда тебя не видела такой. Что случилось? Поговори со мной...

Софья замолчала, она лежала лицом к спинке дивана. Полина с Алексеем тихо присели на поднятые стулья. Через некоторое время Софья повернулась к влюбленным лицом, улыбнулась, правда улыбка вышла какая-то кривая. Но прежней злобы и страдания на лице уже не было видно. Да и след слез простыл. Ей было неловко и стыдно за свое поведение. Девочка извинилась перед обоими дорогими ей людьми и попросила покусать.

– Конечно, конечно, родная моя. Иди на кухню, завтрак для тебя на столе. И, пожалуйста, Софья, не растягивай завтрак надолго, как ты это делаешь обычно. Через полтора часа мы втроем идем в гости к брату Алексея. – Полина говорила медленно, негромко, спокойно, боясь вызвать новый всплеск непонятных ей эмоций Софьи.

Девочка на удивление спокойно восприняла сообщение сестры. Быстро похватав со стола еду, запив ее теплой водой из чайника, она побежала в комнату и буквально минут через пять выбежала одетой.

– Я готова! – неестественно весело крикнула Софья.

Было около двенадцати, когда по лестнице дома на Невском проспекте поднимались на третий этаж три человека. В дверь направо позвонил Алексей. Через минуту дверь открылась, на пороге большой и уютной квартиры показался хозяин.

– Здравствуй, Леня. Вот привел к тебе моих дорогих соседок. Знакомься...

Но Леонид не дал договорить брату:

– Ну Алеша, кто же знакомится на пороге дома! Проходите, девушки. Будем знакомиться. Меня зовут Леонид Николаевич. Я брат Алексея. Олечка, Лидочка подойдите, познакомьтесь с нашими гостями. Вы, наверное Полина? – Леонид внимательным взглядом посмотрел на покрасневшую девушку.

– Алексей мне рассказывал о Вас. «А ты Софья. – обратился он к девочке.

В облике Софьи Леонид уловил что-то едва знакомое, родное. Он еще раз посмотрел на Софью долгим взглядом, вызвав неловкость у девочки.

– Леонид, дай же и нам познакомиться с гостями – услышал он голос своей жены. Ольга обняла сестер и пригласила к столу, накрытом в большой комнате. Лидия, дочь хозяев квартиры была почти ровесницей Софьи, а потому они быстро нашли общий язык. Девочки недолго посидели за столом и, извинившись, прошли в комнату Лиды.

Обед прошел незаметно в общих разговорах о проблемах на работе обоих братьев, ситуации в «бедной» России, как назвал свою страну Леонид. При этом Леонида так и подмывало расспросить у Полины о ее родных, о Софье, к которой у него возникло непонятное чувство теплоты. Но Полина была такой лучезарной, такой безмятежно-радостной, что старший брат ее жениха счел неуместным свои расспросы.

«Все узнаю позже.» – решил Леонид. – «В любом случае Полина – девушка хорошая, скромная, но держится с достоинством, что говорит о многом.

– Думаю, что Алексей наконец-то будет счастлив. – поделился своим впечатлением бывший князь со своей женой Ольгой, когда за гостями закрылась дверь. – Да, Олюшка, как тебе понравилась вторая наша гостя, Софья?

– Девочка как девочка, глаза красивые, живые, лицо неплохое, оформится, будет красивой девушкой. Порывистая, правда, через чур. Сказывается отсутствие материнского воспитания. Ведь с семи лет она осталась на руках у двадцатилетней Полины. Представляешь, сколько пришлось выдержать этим девушкам!

– Оля, а тебе не показалось что-то знакомое в облике Софьи?

Жена Леонида задумалась, напряглась, вызывая в памяти образ девочки, но передернув плечами, ответила:

– Да нет, мне она никого не напоминает. А тебе?

– Не знаю... Я очень скучаю по Лизоньке. Мы ее не видели больше десяти лет. Может я слишком впечатлителен. В каждой женщине, девушке, девочке ищу ее. ... Лиза единственная наша сестра. Она была нежным цветком среди нас, колючих репейников, ее братьев. М-да... Ну ладно, давай, моя хорошая, я помогу тебе с уборкой. Кто бы сказал каких-то десять лет назад, что мы с тобой будем готовить, убирать, стирать сами....

Глава 7

Прошла неделя после того, как Владимир получил материалы от своей сестры Алены. Кроме двух объемистых папок с документами, уже просмотренных Владимиром, Алена при помощи своей разбитной подруги Надежды притащила брату еще одну папку. Где она ее выудила, девушка не сказала. Но материал в папке содержал весьма интересные сведения, значительно дополняющие информацию о князьях Ухтомских. Документы в этой папке были собраны без определенного хронологического порядка, многие из них были потертые и выцветшие, но прочесть все-таки еще можно было. Володя опять «с головой» ушел в чтение бумаг. С каждым новым прочитанным документом лицо Владимира мрачнело, удивлялось, подергивалось от ярости. Много различных эмоций можно было прочитать на лице этого молодого, совершенно не испушенного жизнью человека.

– Боже мой, неужели такое бывает! Сколько страданий пришлось вытерпеть этим семьям! За что? – невольно вырвалось из груди юноши.

Владимир еще долго сидел, опустив голову на стол и обхватив ее руками. Вечерело. На улице зажглись фонари. Зажигать лампу Владимиру не хотелось. На душе было сумрачно, неуютно, тревожно.

– Володюшка, что с тобой? Почему сидишь в темноте?

Вопрос матери не сразу дошел до его сознания. Владимир потер свои виски и опомнившись спросил:

– Мама, тебе что-нибудь нужно?

– Да нет, сынок. Ты меня беспокоишь. Свет, почему-то, не зажигаешь. Глаза вон у тебя красные, воспаленные. Ты что, плакал?

– Ну ты, что, мама. Конечно, нет, хотя впору заплакать от того, что я тут узнал. Ну и время было! Как только люди пережили такое?. Уничтожались целые семьи. И за что?! – голос Владимира дрожал то ли от негодования, то ли от нервной дрожи, что была его в эти минуты.

Александра с нескрываемым интересом смотрела на сына. Ей imponировало, что ее мальчик, который совсем недавно беззаботно бегал по улицам, ходил на вечеринки и совершенно не задумывался о прошлом и будущем, всерьез заинтересовался историей пусть одной семьи, с которой его так невзначай познакомила судьба. Она понимала, что все начинается с малого.

– Давай, сообрази нам по чашке чаю и садись около меня. – спокойно попросила мать сына.

Не прошло и десяти минут, как чай был налит в большие фаянсовые чашки и вазочка с конфетами и печеньем поставлена на маленький столик, что стоял рядом с диваном, на котором лежала Александра, заботливо укрытая мохнатым клетчатым пледом.

– Расскажи, сынок, что тебя так впечатлило?. Отчего ты настолько расстроен, что не можешь даже сдержать свои скупые мужские слезы?

Владимир сел в кресло, что стояло около материнского дивана, в висках у него стучало, голова предательски ныла так, что юноша то и дело потирал свой лоб и виски, пальцами рук. Взглянув на мать, заинтересованно глядящую на него, Владимир тихим дрожащим голосом сказал:

– Мама, мне, действительно, надо сейчас выговориться, а точнее проговорить то, что я узнал из этих страшных документов. Ты не представляешь, мамочка, насколько я потрясен прочитанным.

Владимир, усевшись поудобней в кресло, своим неспешным мягким голосом начал обрисовывать матери картину жизненных пережитий, что выпали на долю братьев Ухтомских, картину, что сложилась у него после изучения содержащихся в папках документов. ...

Леонид Ухтомский не мог дожидаться вечера. В его голове крутилась одна мысль, которая не давала сосредоточиться на работе. Он не мог поверить, что буквально через месяц может оказаться в Америке. А там он найдет способ узнать что-нибудь о своем старшем брате Александре и его семье. Почти десять лет прошло с тех пор, как они расстались. За это время Леонид лишь однажды получил небольшую весточку от брата. Бывший товарищ по дворянскому собранию, а потом работник Комиссариата внутренней и внешней торговли передал Леониду небольшое письмо брата, в котором говорилось, что тот собирается переехать в Америку с семьей. В Австрии, где Александр с семьей находился тогда, жить становилось все труднее. Но возвращаться в Россию Александр даже и не помышлял. Последние слова краткого письма были:

«Мы, видимо, никогда больше не увидимся. Берегите себя. Да поможет вам Бог». Было это пять лет назад.

Леонид был возбужден, очень возбужден после разговора с директором своего института. Николай Андреевич сообщил ему, что собирается группа специалистов в институте, у которой будет очень важная миссия в США. И что в эту группу будет входить и он, Леонид Ухтомский. Леонид как будто на крыльях летел домой. Ему не терпелось обо всем сообщить своей Ольге.

– Олюшка, ты не представляешь, что случилось! – прямо с порога крикнул Леонид. Ольга вышла из гостиной встретить мужа. Его сияющие глаза и счастливое лицо поразили жену.

– Леня, я давно не видела тебя таким красивым. Ты весь светишься. Что явилось причиной этому?

Леонид почти подбежал к Ольге и закрутил ее в танце. Она засмеялась, обняла единственного для нее мужчину и поцеловала.

– Рассказывай. Я вся во внимании.

Уже глубоким вечером отужинав и испив чаю супруги сидели, обнявшись, на диване в полумраке и молчали.

– Хорошо, Леня, допустим, что ты поедешь в Штаты в составе группы из своих коллег. – взволнованно произнесла Ольга.

– Но как ты собираешься узнать об Александре? Надо же понять к кому обратиться, с кем разговаривать.

– Ты права, Олюшка. Надо все продумать. Пожалуй я обращусь к своему давнему приятелю по университету. Ты его знаешь. Андрей Герасимовский. Он наверняка подскажет мне как поступить. – Леонид нежно поцеловал жену.

Ольга неопределенно пожала плечами и произнесла:

– Не нравится мне твоя затея с Герасимовским. Этот человек нечестен со своими друзьями. Был случай убедиться.

– Не беспокойся. Все будет хорошо. Вот увидишь. Пойдем спать, родная, поздно уже. Утро вечера мудренее, как говорится.

На следующий день Леонид договорился о встрече со своим давним товарищем. Встретиться решено было через день после работы дома у Леонида. Но прежде он решил переговорить с Алексеем. Вечером того же дня в квартире на Измайловской раздался звонок. Дверь Леониду открыла Софья. Это была уже не та резвая девчонка, какой ее увидел первый раз бывший князь три года назад. Братья не так часто встречались вместе. Оба много работали, а Алексей к тому же часто бывал в командировках. Неудивительно, что Леонид не заметил, как выросла Софья, как из неуклюжей девчонки она превратилась в очаровательную девушку. Ее волнистые пепельные волосы были собраны в тугой узел, голубые как яркая озерная гладь глаза

искрились, небольшой вздернутый носик придавал лицу озорные нотки. Софья не была высокой девушкой, но ее фигурка была ладно скроена, от нее веяло статностью и благородством.

Увидев Софью, Леонид был несколько удивлен. Во-первых, он не ожидал увидеть ее столь повзрослевшей и красивой. Во-вторых, он опять был поражен тому непонятному чувству теплоты и сопричастности к ее судьбе, что возникло вдруг у него, как и три года назад при первом знакомстве.

– Здравствуй, Софья, мой брат дома? – спросил Леонид, глядя на молодую девушку с улыбкой.

– Да, да, проходите, пожалуйста, Леонид Николаевич – быстро ответила Софья и, закрыв за Леонидом дверь, сразу же ушла в свою комнату.

Алексея Леонид нашел на кухне, где тот колдовал над небольшой кастрюлькой, что стояла на плите. В отличие от старшего брата младший Ухтомский обожал готовить.

– Леня, проходи, садись. Минутку подожди, сейчас ужинать будем. – встретил брата Алексей.

– Здравствуйте, Леонид Николаевич – Полина никак не решалась называть брата мужа просто по имени.

Она относилась к Леониду с большим почтением, не только потому, что тот был гораздо старше ее. Выросшая без отцовской любви, Полина чувствовала в Леониде отеческую заботу по отношению и к Алексею, и к ней.

– Рады вас видеть. Отужинайте с нами, пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.